Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнем попрала мощь огня.

Салют ее большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Ее бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым,—
Салют!

А. Твардовский

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 19 МАЙ 1984

ЛЕН

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2964)

5 МАЯ 1984

1 МАЯ 1984 ГОДА

Репортаж с Красной площади вели Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. ГОСТЕВ, А. БОЧИНИН, И. ГАВРИЛОВ

29 апреля к рабочим завода приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

Состоялась задушевная, деловая беседа Константина Устиновича Черненко с рабочими завода, в которой приняли также участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих.

Затем, встреченный долго не смолкающими аплодисментами, выступил Константин Устинович Черненко.

Товарищ К. У. Черненко побывал в цехах. Рабочие горячо приветствовали Константина Устиновича.

Встреча товарища К. У. Черненко с коллективом московского металлургического завода «Серп и молот» явилась ярким выражением нерасторжимого единства партии и народа, непоколебимой сплоченности советских людей вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, продемонстрировала решимость и волю трудящихся Страны Советов претворить в жизнь планы партии по совершенствованию общества развитого социализма.

ВСТРЕЧА Т

С РАБОЧИМИ МОСКОВ

Во время беседы с рабочими завода.

Товарищ К. У. Черненко беседует с рабочими во время осмотра завода.

ОВАРИЩА К. У. ЧЕРНЕНКО
СКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ»

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС).

ВСТРЕЧА К. У. ЧЕРНЕНКО С М. КОЙВИСТО

ВСТРЕЧА К. У. ЧЕРНЕНКО С Х. ФЛОРАКИСОМ

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

26 апреля в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто, прибывшим в Советский Союз по приглашению Президиума Верховного Совета СССР на отдых.

Во встрече приняли участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и посол СССР в Финляндии В. М. Соболев;

с финляндской стороны — посол Финляндии в СССР А. Кархило, начальник канцелярии президента республики Я. Калела и заместитель государственного секретаря МИД Финляндии К. Тернудд.

В ходе беседы, проходившей в присущей советско-финляндским отношениям атмосфере дружбы и взаимопонимания, К. У. Черненко и М. Койвисто обсудили перспективы дальнейшего развития добрососедского сотрудничества между СССР и Финляндией, а также обменялись мнениями по некоторым актуальным проблемам международной обстановки, представляющим взаимный интерес.

Во время встречи.

Фото А. Гостева

28 апреля в ЦК КПСС состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Греции Х. Флоракисом.

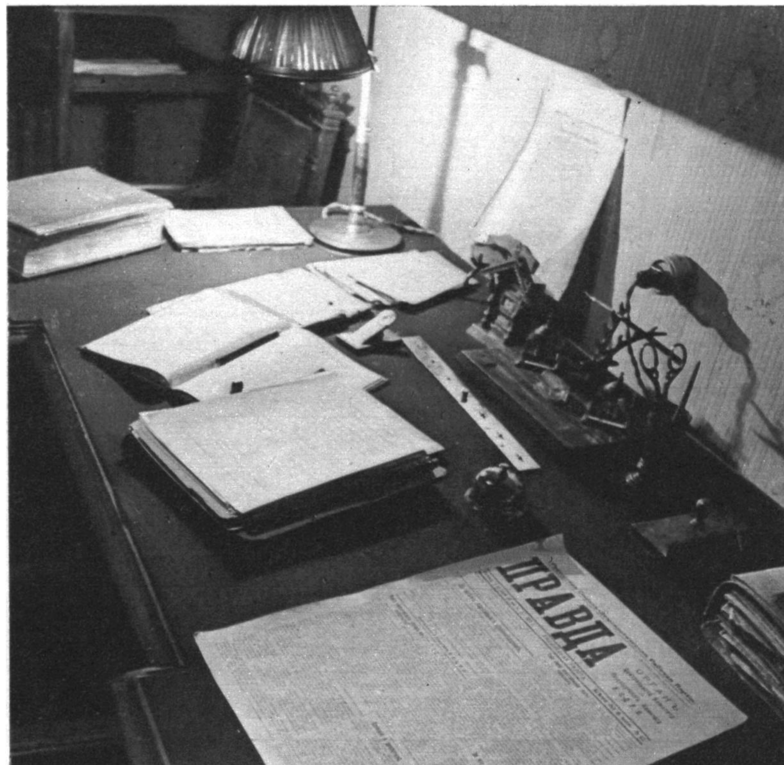
Во встрече, прошедшей в сердечной обстановке, приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, члены ЦК КПСС помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, член Политбюро ЦК КПГ Д. Сарлис и член ЦК КПГ Л. Стафакис.

Тов. К. У. Черненко информировал Х. Флоракиса о работе советских коммунистов по претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС, направленных на совершенствование построенного в СССР развитого социалистического общества, на сохранение мира, преодоление международной напряженности, укрепление международной безопасности.

Тов. Х. Флоракис дал высокую оценку деятельности КПСС и достижениям Советского Союза во всестороннем развитии социализма, а также проводимой КПСС последовательной политики мира и интернациональной солидарности.

5 МАЯ — ДЕНЬ ПЕЧАТИ

К ЛЕНИНУ В «ПРАВДУ»

Бег времени необратим, и все же в его стремительном течении есть острова, где судьбы дорогих нам людей, события их жизни существуют, подчиняясь особым, неподвластным даже времени законам памяти...

Ровно три месяца — после возвращения из эмиграции, выступления перед рабочими, революционными солдатами и матросами, собравшимися на площади у Финляндского вокзала,— жизнь В. И. Ленина была накрепко связана с этим старинным зданием на углу набережной Мойки и Волынского переулка. Здесь, в квартире № 4 бывшего меблированного дома, с 5 (18) марта по 5 (18) июля 1917 года несколько комнат занимала редакция «Правды»; именно здесь, как нигде, отчетливо ощущался напряженный пульс тех тревожных, раскаленных событиями дней. Рабочие, крестьяне России, ее солдаты были главными корреспондентами Центрального органа РСДРП(б). Их ходоки, их письма спешили сюда со всех концов огромной, бурлившей народным гневом страны, чтобы встретиться с главным редактором газеты — товарищем Лениным.

«...Владимир Ильич, часто в своем неизменном демисезонном пальто, сидел за редакционным столом и писал огневые призывы. Казалось, что он сидит за пультом управления, от которого и к которому идут мощные токи зреющего восстания трудящихся против эксплуататоров...»,— вспоминал впоследствии большевик Б. З. Шумяцкий.

Именно в эти дни на страницах «Правды» появляются гениальные Апрельские тезисы «О задачах пролетариата в данной революции», статьи «О двоевластии», «Уроки кризиса», «Вся власть Советам!» и еще множество заметок, отчетов. Каждая — набат, зовущий к бою, в каждой мудрый совет, разъясняющий, что надо делать пролетариату, партии в этот час подготовки к решающему, последнему штурму.

Редактируемая В. И. Лениным «Правда» наносит сокрушительные удары буржуазному правительству, контрреволюционерам всех мастей. И репрессии не заставили себя ждать: в ночь на 5 июля, вскоре после ухода Ленина из редакции, сюда ворвались каратели. «...Они вошли с Волынского переулка во двор, оттуда через типографию к нам,— писал один из активных и самоотверженных деятелей «Правды», член редакции К. С. Еремеев.— В то же время с наб. Мойки, с парадного входа тоже вошла толпа солдат с офицером во главе... С гамом, шумом, матерщиной начали они хватать всех бывших в редакции и сгонять в одну комнату, подталкивая прикладами. Другие в это время начали обыск и погром. Несколько человек с наганами в руках рылись в столах и шкафах, приказывая взламывать штыками запертые ящики. Вскоре же появился принесенный из кухни топор, которым стали прямо крушить и раскалывать столы, рубить стулья и кресла, разбивать шкафы и этажерки. Какие-то бумаги были отобраны, остальные начали рвать, мять, комкать... В редакции все было превращено в груду развалин».

«Правда» была официально запрещена. Но правду нельзя запретить. Вместо разгромленной газеты на следующее утро вышел «Листок «Правды». Рабочий Воинов был убит только за то, что вынес его из типографии. Командующий войсками Петроградского военного округа приказал командиру отряда, специально созданного для поисков В. И. Ленина, расстрелять рабочего на месте.

Партия сумела сберечь своего вождя, свою газету. В истории великой и трагической борьбы во имя счастливого будущего их имена слиты воедино. И когда настала пора тщательно, по крупицам восстанавливать каждый день, прожитый Ильичем, адрес на титульных листах «Правды» за 1917 год привел исследователей в это старинное здание на набережной Мойки, дом 32/2.

И вот недавно здесь открылся музей «Владимир Ильич Ленин и газета «Правда», ставший филиалом Государственного музея истории Ленинграда.

— Мы старались предельно точно воссоздать обстановку редакционных помещений,— говорит научный сотрудник Л. М. Гинева.— Обратившись к воспоминаниям современников, используя фотографии, архивные материалы, полностью восстановили кабинет Ленина и смежную с ним комнату, где работали литературные сотрудники, секретариат. Пожалуй, самый полный перечень предметов, находившихся в редакции, сохранили... милицейские протоколы, тщательно зафиксировавшие все, что было разгромлено карателями. Мебель, лампы, книги, телефонные аппараты, пишущая машинка «Ремингтон», все мелочи — вплоть до типографской линейки — подлинные предметы той поры. Немалую помощь в создании мемориала оказали ветераны партии. Их участие, советы позволили с максимальной достоверностью передать главное — дух, характер эпохи.

Ну, а работы впереди у нас еще много — будет открыта вторая очередь музея: приемная редакции, типография, где печаталась «Правда» (ее здание находится рядом). Планируем также восстановить ограду двора в Волынском переулке, часть булыжной мостовой вокруг здания, установить старинные фонари...

Отвечая в одной из анкет на вопрос о своей профессии, Ленин написал — журналист. Его колоссальный вклад в развитие партийной журналистики убедительно отражен в экспозиции соседних с редакционными комнатами помещений, рассказывающей о деятельности «Правды» в период после Февральской революции до Великого Октября, точнее, вплоть до тех номеров, где были напечатаны знаменитые Декреты о мире и о земле.

Сегодня, спустя десятилетия, вчитываясь в пожелтевшие страницы газет, стремительно летящие строчки ленинских рукописей, угловатые, неуклюжие буквы заметок, старательно выведенные привычными к тяжелому труду руками рабочих, крестьян, зримо представляешь напряженную, грозовую атмосферу тех незабываемых дней, слышишь грозную музыку Революции.

В этом заслуга нового музея, сумевшего не просто запечатлеть мгновения высокой Истории, но и выразительно, точно донести до нас волнующее содержание еще нескольких страниц из жизни Владимира Ильича Ленина.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька».

Ленинград.

1.

ПРОТИВ БЕЗУМИЯ ВОЙНЫ

Соединенные Штаты, взяв на себя роль международного жандарма, создали глобальную систему военных баз: ракетных, авиационных, сухопутных войск, военно-морских сил и общего назначения. Сейчас Пентагон располагает более 1500 военными базами и другими военными объектами на территории 32 государств.

На схеме, опубликованной в еженедельнике «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», указаны месторасположения американских военных баз, разбросанных на континентах земного шара. По данным еженедельника, в конце 1983 года 534 400 военнослужащих находились за пределами Соединенных Штатов.

Пентагон намерен увеличить численность ударной группировки американских вооруженных сил в Западной Европе. Помощник министра обороны США Л. Корб заявил на слушаниях в сенатской комиссии по личному составу вооруженных сил, что Пентагон намерен иметь в Западной Европе в 1985 году 326,4 тысячи солдат и офицеров. Он обосновал необходимость увеличения численности войск США в Западной Европе развертыванием новых американских ядерных ракет средней дальности.

1. Американские солдаты... Не этим ли молодым парням нынешняя администрация США готовит участь «пушечного мяса»! Их посылают в горячие точки планеты для подавления национально-освободительных движений, их используют для разжигания новых очагов напряженности.

2. Словно щупальца спрута, опутывают земной шар военные базы США.

3. «Першинг-2» во время испытаний на военной базе в штате Нью-Мексико. Теперь эти ракеты США размещают в странах Западной Европы.

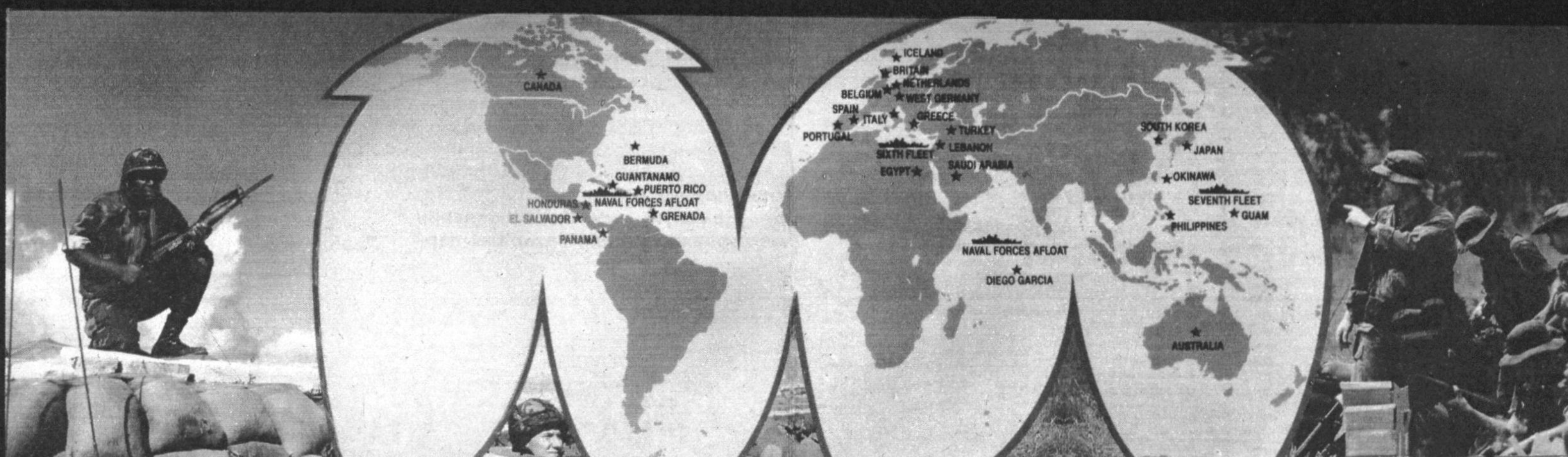
4. Непомерным амбициям ядерных маньяков США противостоят миролюбивые народы планеты.

Подавляющее большинство населения ФРГ выступает против политики правительства, которое предоставило западногерманскую территорию для развертывания американских «Першингов-2» и крылатых ракет.

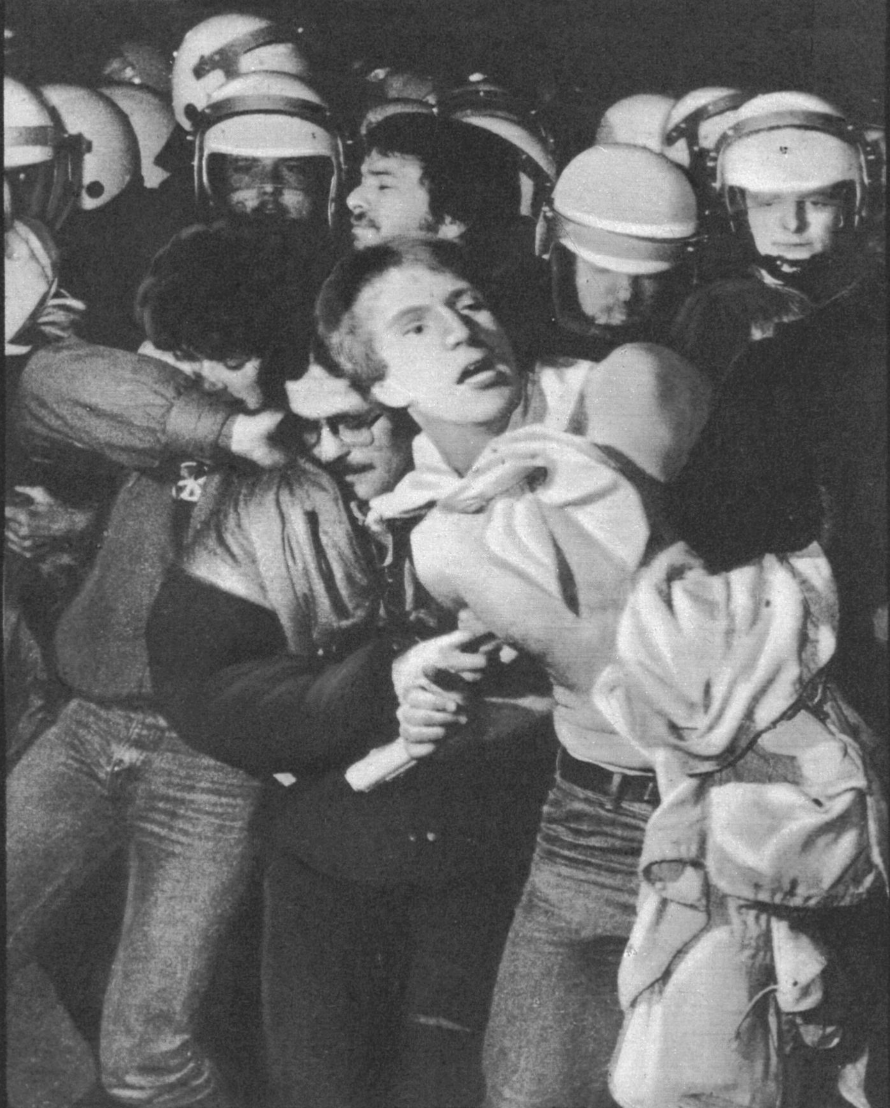
Грубой физической силой, арестами, преследованиями власти хотят сломить волю народа к миру.

5. В Йокосуке, в центральном городском парке «Ринкай», собрались тысячи японцев, протестующих против планов вашингтонской администрации, направленных на гонку ядерных вооружений.

2.

3.

4.

5.

8 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА ОТ ФАШИЗМА

ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

Под стеклом на моем письменном столе лежит эта фотография. О судьбах тех, кто изображен на снимке, о немецких коммунистах-ветеранах, я хочу рассказать сегодня, когда империализм объявил «крестовый поход» против социализма. Подобное помнит история — это делали в свое время фашисты. И четверо пожилых ветеранов хорошо знают, что такое война... Всю свою жизнь они боролись против сил зла.

ФРИЦ ЙОННЕ

Он первый справа. Уроженец Судетской области, в 1926 году пятнадцатилетним пареньком вступил в чехословацкий комсомол. А через десять лет получает Йонне членский билет Коммунистической партии.

Весь мир следит за драматическим развитием событий в Испании. Молодой коммунист считает, что место его — на полях сражений с фашизмом. С подложным документом Фриц едет в Париж, где комплектовались группы добровольцев. Через Пиренеи перебирались пешком, замерзали в летней одежде, но упрямо шли вперед вслед за проводником. И вот наконец: «Мы в Испании!» На двадцати языках интербригадовцы запели «Интернационал»... Мужественно сражался за свободу Испании политрук чехословацкого батальона Фриц Йонне.

Начало второй мировой войны застает его во Франции. Вместе с товарищами-коммунистами он попадает в руки гитлеровцев. Тюрьма в Карлсруэ — первая из десяти тюрем, которые предстоит пройти. В июне 1942 года за ним, узником № 43218, закрылись ворота концлагеря Заксенхаузен. И здесь они стараются быть вместе—чехи, русские, французы, испанцы, немцы с красными треугольниками политзаключенных на рукаве и груди. Весной сорок пятого узников выстроили в колонны и погнали на север, к морю. Там намеревались всех посадить на баржи и утопить. Недалеко от Шверина войска Советской Армии освободили смертников...

«Активистами первого часа» называют в ГДР тех, кто стоял у истоков первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле. Фриц Йонне — один из них. Когда в 1956 году создавалась Национальная народная армия ГДР, бывший боец интербригад стал одним из первых ее генералов. Командовал корпусом, учился в советской военной академии, потом сам руководил Высшей военной академией имени Фридриха Энгельса в Дрездене. Товарищ Йонне стал первым послом ГДР на Кубе.

Сейчас он возглавляет окружной комитет борцов-антифашистов, часто выступает перед молодежью, активист Общества содействия развитию спорта и техники.

АДОЛЬФ ШВАРЦ

На фотографии он рядом с Йонне. Сейчас ему уже восемьдесят, и за плечами трудная, богатая событиями жизнь. В ряды Коммунистической партии Германии Шварц вступил еще до прихода Гитлера к власти. Не понаслышке знает он о страшном концлагере Бухенвальд. После разгрома фашизма Адольф Шварц оказался в Западной Германии. Работал секретарем земельного комитета ГКП в аденауэровской республике. Трудно было ему, коммунисту-руководителю, в условиях страны, взявшей открытый курс на конфронтацию с социализмом. Мечтал жить в ГДР — стране, ставшей воплощением идей и замыслов всех коммунистов предвоенного поколения. Его мечта жить в стране социализма стала реальностью не так давно.

С Адольфом Шварцем мы познакомились у нас, в Эстонии. Он приехал на пятый республиканский съезд бывших узников фашизма, который проходил на острове Сааремаа. Держался, несмотря на преклонный возраст, молодцом, был бодр, энергичен, деятелен. Немного позже он встречал нас в Дрездене, там и была сделана эта фотография.

ФРИЦ МАРКУЗЕ

На снимке — второй слева с фотоаппаратом в руке. В боях с вермахтом на белорусской земле он, сержант Красной Армии, потерял руку. Непростым был путь немецкого комсомольца в нашу страну. Маркузе, руководивший молодежной организацией берлинского района Штеглиц, участвовал в 1932 году в лейпцигском слете молодых коммунистов, слышал Эрнста Тельмана. Когда пришли к власти фашисты, он ушел в подполье и чудом остался жив после того, как гестапо напало на след организации. Друзья помогли ему перебраться в Каунас — тогда столицу буржуазной Литвы. В первые же дни установления Советской власти в республике Маркузе попросил предоставить ему советское подданство. Добровольцем ушел он на фронт, воевал в литовской дивизии санитаром, затем радиобойцом. С рупором подползал к немецким окопам, нес солдатам вермахта слова большевистской правды. Однажды после боя его, раненного, слишком поздно вынесли с поля боя, руку пришлось ампутировать...

На фронт уже не вернулся. Подал заявление в медицинский институт Алма-Аты, начал усиленно изучать русский язык. Там же, в столице Казахстана, познакомился с девушкой из Эстонии, своей будущей женой.

После войны доктор Маркузе—специалист по спортивной медицине — переехал в Таллин, длительное время работал главным врачом республиканского физкультурного диспансера. Многие эстонские спортсмены быстро восстанавливали форму после травм благодаря заботам доктора Маркузе. Его научные работы привлекли интерес специалистов, многие труды были напечатаны в специальных журналах нашей страны и за рубежом.

ФРИДО ЗАЙДЕВИЦ

Стоит крайний слева. Годы войны он, сын политэмигранта, провел в Советском Союзе. Его отец Макс Зайдевиц, социал-демократический депутат рейхстага, решительно выступал против Гитлера и его банды. После капитуляции рейха и последовавшим за этим рождением Германской Демократической Республики отец Фридо был одним из основателей Социалистической единой партии Германии. Девяносто лет ему минуло, но работать он продолжает, активно привлекая к ней сына. Потомкам останутся мемуары, написанные страстной рукой публициста. В Берлине уже увидели свет две книги коммуниста-ветерана.

Фридо Зайдевиц долгое время работал прокурором округа Дрезден. Прекрасно владеет русским, переводит почти синхронно. Он и помогал нам всем общаться. Бывало, замедляешь речь, пытаясь ему помочь, сразу же слышишь: «Не надо! Давайте быстрее, мне так легче переводить».

...Эти четыре биографии всегда вспоминаются, стоит мне только взглянуть на снимок. Вспоминается и поездка в ГДР. Думаю, что такие люди, как эти четверо,— настоящие коммунисты, наши верные, надежные друзья.

М. КОРСУНСКИЙ,
заслуженный строитель Эстонской ССР, член правления республиканского отделения Общества дружбы с ГДР

Таллин.

Справа налево: Фриц Йонне, Адольф Шварц, Фриц Маркузе, Фридо Зайдевиц.

Фото Гаральда Леппиксона

В. Шаталин. Род. 1926. БИТВА ЗА ДНЕПР. (Фрагмент). 1983.

И. Тихонов. Род. 1941. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К. ОРЛОВА. 1981.

ЗА ДЕНЬ ДО ПОБЕДЫ

Ровно за один день до Победы, в мае 1945 года, в Чехословакии погиб мой дядя Николай Иванович Горохов. Погиб в бою с фашистами у деревни Карловице...

Для меня он был няня Коля — так называла я его потому, что дядя нянчился со мной, совсем маленькой. От мамы узнала я, что войну он встретил на границе. Горел в танке и после госпиталя был признан негодным к дальнейшей службе. На фронт, однако, вернулся, дошел до немецкой границы, снова был ранен и попал в концлагерь. Бежал из него, пробрался в Чехословакию, где вступил в партизанский отряд. Боевые друзья похоронили погибшего в схватке с гитлеровцами Николая Горохова в городе Ровенско.

Только в конце 50-х годов отыскался след моего няни Коли. Мама и тетя были больны и не смогли поехать в Чехословакию. Всех наших родных забрала война, только я смогла передать привет няне Коле с его родины. Побывала в местах, где он сражался, от жительницы села Крчковице Марии Ирошевой узнала подробности того, последнего партизанского боя.

Есть у меня в Чехословакии друзья — Иржи и Итка Гошковы, с которыми переписываюсь с 1967 года. Иржи железнодорожник, работает в депо Прага — Либень. Как-то в одном из писем я рассказала о своей давней поездке на могилу няни Коли. Иржи, в свою очередь, познакомил с историей товарищей по работе. Их 24 человека, а бригада носит почетное звание коллектива социалистического труда.

В год тридцатилетия освобождения Чехословакии Советской Армией бригада решила на свой сменный заработок купить венки и возложить их на братскую могилу советских партизан в городе Ровенско, а также к памятнику Н. Н. Горохову на месте его гибели. От имени товарищей по бригаде Иржи просил меня приехать на торжества.

У братской могилы советских воинов состоялся митинг. Было сказано все: и как чтут здесь память погибших, и как крепка наша дружба, и как нужен людям мир. Перед уходом я обратила внимание, что нарциссы, положенные мной к могиле до митинга, стоят в вазе с водой. Оказывается, сделала это Мария Ирошева, у которой я гостила в 1960 году. Она узнала меня, снова пригласила в село. Муж Марии познакомил меня с Богумилом Вокатым, каменотесом, который своими руками создал памятники моему дяде в селе, где укрывались партизаны, и на месте его гибели.

Минули годы. Женился Петр, сын Иржи и Итки, их младшей дочке Янечке исполнилось четыре года. Мои дочери закончили школу. Маша учится в университете, Катя — в медицинском училище. Девочки с нетерпением ждут писем из Чехословакии, где за день до Победы пал дядя Коля. Было ему тогда столько же лет, сколько сейчас моей старшей дочери. «Пусть никогда больше не будет войны»,— пишут мои чехословацкие друзья. Этого желает и наша семья, одна из миллионов советских семей, где и сегодня жива память о военных утратах.

В одном из последних писем я сообщила Иржи и Итке, что ежемесячно перечисляю деньги на счет Советского фонда мира...

Л. НИКИТИНА

Верхняя Пышма,
Свердловская обл.

РЯДОМ С ФУЧИКОМ

Это моя любимая фотография из семейного альбома. На ней — связная Юлиуса Фучика Лида Плаха, актриса Пражского национального театра, народная артистка Чехословакии, вместе с мужем и сыном. 1966 год...

Война застала нашу семью в Праге. В первый же день отец был арестован гестапо. В марте 1943 года нацисты арестовали и меня за участие в коммунистическом подпольном кружке чехословацкой молодежи. Два месяца мы были в одной камере гестаповской тюрьмы на Панкраце вместе со связной Юлиуса Фучика, его ближайшей соратницей по подпольной борьбе, Лидой Плахой.

Первого мая наша камера под руководством неугомонной Лиды пела «Интернационал». Мелодию подхватили в других камерах на разных языках. Эсэсовки ворвались к нам, как фурии, и стали хлестать по щекам... По утрам Лида взбиралась на подоконник, кто-нибудь из нас поддерживал ее, другой закрывал глазок в двери, и раздавалась «утренняя информация». Мужчин-заключенных выгоняли на тюремный двор «на прогулку», и Лида своими зоркими глазами сразу определяла, арестован ли еще кто-нибудь из организации, кто неожиданно «исчез», то есть замучен гестаповцами или угнан в лагерь смерти; в каком состоянии находятся Юлек (Юлиус Фучик), ее жених Мирек и так далее. Часто у нее вырывались горестные восклицания: «Опять бедного Юлека разукрасили, паразиты! А Мирек на кого похож! Вчера, значит, на допросе был!» Эти речи неизменно заканчивались одним и тем же: «Я им спою, бедненьким!» И, стоя на подоконнике, поддерживаемая нами, она пела.

Ее вера в крушение фашизма была непоколебимой, это воспитал в ней Юлиус Фучик. В самый трудный для родины час Лида вступила в Коммунистическую партию Чехословакии. Путеводной, никогда не гаснущей звездой для нее была первая в мире страна социализма — Советский Союз.

...22 года спустя я написала Лиде, и она мне ответила. Вот строки из ее письма: «Милая Танечка! Мне трудно тебе описать, какой сюрприз ты мне сделала своим письмом. Ведь столько девушек прошли через панкрацкие камеры, и многие не вернулись.

Если я тебе начну рассказывать обо всех тюрьмах, в которых мне пришлось побывать, то это будет очень длинная история. Напишу лишь коротко о своей судьбе.

В июне 1943 года меня повезли на суд в Берлин. В августе был суд, а в сентябре Фучика и Мирека казнили. Меня по особому решению суда (один товарищ, который считал, что меня уже нет в живых, приписал мне кое-какие «грехи» нашей организации) повезли снова в Прагу, в гестапо. Опять допросы. А потом отправили в Равенсбрюк.

После освобождения добирались домой различными способами. И все-таки наконец дошли. Жизнь, как ты сама понимаешь, завертелась: работа, искусство, бригады, собрания...

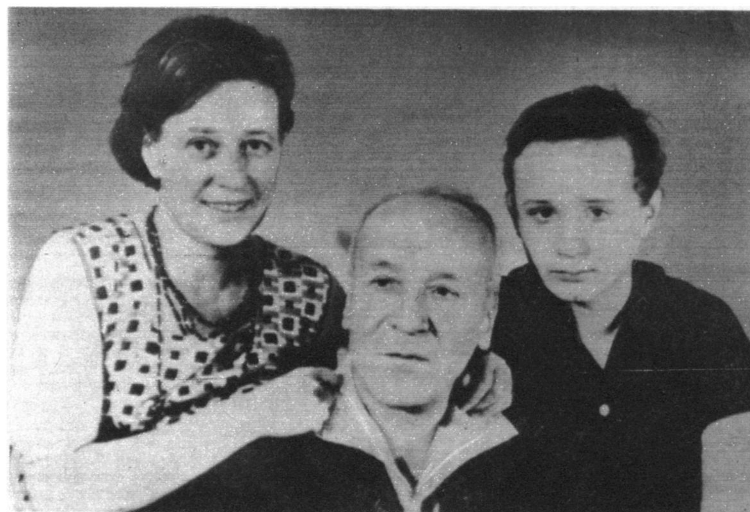
В 1945 году я начала ездить с деревенским театральным ансамблем по селам. Потом работала в одном пражском театре, а с 1948 года — в Национальном театре.

Во всем этом рабочем и жизненном вихре я еще успела и замуж выйти, и теперь моему сыну Зденеку почти 14 лет. Мой муж тоже артист Национального театра, и мы живем душа в душу.

Ты пишешь, чтобы я приехала. С большим удовольствием! Ты ведь знаешь, что моя любовь к Советскому Союзу никогда не была — а теперь тем более — лишь на словах. Она в моем сердце. Я, в сущности, только на короткое время, мельком приезжала в Советский Союз, а мой супруг еще никогда там не был. Однако я не хотела бы доставить тебе много хлопот. Но как бы было прекрасно встретиться через столько лет!

Лида ПЛАХА

27 декабря 1965 года».

В 1966 году Лида Плаха приехала в Москву, и мы встретились.

В концлагере Равенсбрюк я, оказывается, была с Лидой примерно в одно и то же время — с середины 1943 года. Когда стали приближаться советские войска, заключенных начали эвакуировать. В транспорт, где везли Лиду, входили смертники. Их привезли в Шверин, погрузили на корабль, вывели его в море и потопили. Лиде удалось еще по дороге бежать в лес вместе с девятью заключенными бельгийцами и немцами. Через несколько дней они подошли к какому-то селу. Удирающий немецкий солдат сказал, что там «иваны». Неожиданно началась сильная стрельба. Добежали до первого дома и хотели спрятаться в подвале, как услышали голоса, говорящие по-русски. Лида выглянула в окно—советский солдат! С громким криком бросилась к нему. Выскочили и остальные заключенные и чуть не задушили в объятиях своего освободителя.

Солдат попросил пить. Лида принесла из колодца кружку ледяной воды. Парень сорвал с яблони цветущую ветку и подал ей.

Эту ветку хранит Лида до сих пор.

Т. РОМАНЮК

Новомосковск.

Морская пехота вступает на Приморский бульвар.

ГОРДОСТЬ РУССКИ

Все, что осталось от «завоевателей»...

Х МОРЯКОВ

Салют освободителей Севастополя у памятника погибшим кораблям.

9 МАЯ — 40 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Е. ХАЛДЕЯ

Севастополь... Двести один год назад на берегах Ахтиарской гавани заложили город, которому была уготована необычайно высокая, героическая и вместе с тем трагическая судьба. В переводе с древнегреческого Севастополь — это город славы, величественный, достойный уважения, но со временем постоянным эпитетом этой черноморской твердыни стало слово «легендарный». Да, Севастополь — город легендарный. Недаром более ста лет назад Л. Н. Толстой писал: «Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

Если учесть, что это сказал не просто писатель, а русский офицер, сражавшийся на севастопольских редутах, цена этих слов особая.

И вот совсем недавно я встретился в городе-герое с ветеранами обороны и освобождения Севастополя. Один из них, Герой Советского Союза И. П. Шенгур, сказал:

— Я не отделяю одно от другого такие понятия, как оборона и освобождение Севастополя. Я говорю: борьба за Севастополь. Эта борьба не прекращалась, она лишь прерывалась. И если в июле сорок второго, продержавшись двести пятьдесят дней, мы по приказу Ставки организованно эвакуировались из города, то в мае сорок четвертого за четыре дня выбили оттуда фашистскую нечисть. Я, правда, не выбивал. Я топил. Наш отряд торпедных катеров перехватывал гитлеровские баржи и транспорты в море и отправлял на дно.

— Да, Иван Петрович прав,— продолжает кавалер пяти боевых орденов и одиннадцати медалей Е. А. Игнатович.— Говорить об освобождении Севастополя и не вспомнить о героической обороне просто нельзя... Наша зенитная батарея стояла на знаменитом Камчатском люнете — там в Крымскую войну погиб адмирал Истомин,— это у самого Малахова кур-

гана. Свой боевой счет батарея открыла в первый день войны, уничтожив самолет-разведчик, а потом мы отражали массированные налеты бомбардировщиков, били по танкам, вели артиллерийские дуэли. В самом конце оборонительных боев я был ранен в голову, оказался в госпитале, а там прямое попадание бомбы и еще одно ранение. Вывезли меня на лидере «Ташкент» — последнем корабле, уходившем из Севастополя.

— А я сражался в морской пехоте,— говорит А. Я. Ищенко. На его груди рядом с пятью орденами и десятью медалями значок мастера спорта. Оказывается, Александр Яковлевич — бессменный чемпион Черноморского флота по штанге с тридцать четвертого по пятьдесят первый год. Надо ли говорить, как пригодились его спортивные навыки во время боев.

— По своей военной профессии я связист,— продолжает Александр Яковлевич,— но в самые тяжелые дни принял командование ротой в составе восьмой бригады морской пехоты. Ох, и дрались же наши ребята! Все знали: отступать некуда, тыла у нас нет, соседа слева и справа тоже нет, так что надеялись только на себя, на свою смекалку и злость. Триста тысяч солдат и офицеров потерял враг под Севастополем, и загнали их в гроб красноармейцы и матросы, которые до конца дней будут считать себя севастопольцами. А как вдохновляло то, что мы бились на тех же курганах, редутах и люнетах, где сражались наши прадеды! Хорошо помню листовку, которая появилась тогда в окопах: там было напечатано обращение адмирала Корнилова к морякам, защищавшим Севастополь в 1854—1855 годах.

Когда все возможности для продолжения борьбы были исчерпаны, Ставка приняла решение об эвакуации войск. А те, кому не удалось сесть на корабли, пробивались в горы, к партизанам. Даже враг был вынужден признать мужество и стойкость севастопольцев. «Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии,— писал командовавший в Крыму гитлеровскими частями Манштейн.— Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые тоже с оружием в руках воодушевляли бойцов».

...И вот наступил май сорок четвертого... Освобождена Одесса, вновь стала нашей Керчь, от Перекопа и Джанкоя идут войска 4-го Украинского фронта, а по южному берегу Крыма — Отдельная Приморская армия. Враг откатывается к Севастополю за мощные оборонительные сооружения, возведенные на господствующих высотах. Главная из них, являющаяся ключом ко всей обороне,— Сапун-гора.

— Генеральный штурм начался седьмого мая,— вступает в разговор Герой Советского Союза, летчик-штурмовик Н. С. Есауленко.— Рано утром в полку был митинг, на котором мы поклялись выбить фашистов с горы или навечно загнать их в землю. Полтора часа долбили мы основание Сапун-горы, туда же били пушки и «катюши». Первые три захода сделали, хорошо видя цель, а потом поднялось такое облако огня, пыли и дыма, что работать пришлось очень осторожно, ориентируясь по красным флагам штурмовых групп. На наших самолетах, на танках и снарядах «катюш» был начертан клич: «Даешь Севастополь!». Земля Сапун-горы встала дыбом, казалось, там не может быть ничего живого, но фашисты сражались с отчаянием обреченных: они выбирались из щелей, нор, пещер и вели губительный огонь. И все же наши метр за метром продвигались вперед. Нам это было видно по флагам, да и команды с земли заставляли переносить удары авиации все ближе к вершине... В семь часов вечера флаги всех штурмовых групп развевались на гребне Сапун-горы! Рассчитывая на то, что наши не сумели как следует закрепиться, рано утром фашисты предприняли яростную контратаку. Мы снова поднялись в воздух, да и пехота не дремала, так что враг был отброшен, и на его плечах наши войска ворвались в Севастополь.

— О том, что творилось на земле, могу рассказать я,— подхватывает А. Я. Ищенко.— Правда, непосредственного участия в штурме я не принимал, потому что к этому времени опять стал связистом. Но что творилось в эфире! Корректировщики передают целеуказания артиллеристам, одни летчики наводят других на высоты и бухты, тут же карусель воздушных боев, танкисты подсказывают друг другу, где орудия противника и как обойти минные поля, захлебываются радиостанции немцев, короче говоря, связисты были в курсе всех дел... Самый тяжкий труд, как всегда, выпал на долю пехоты. Когда роты поднялись в атаку, ожили очень многие огневые точки врага. Представить трудно, каково бежать в полный рост, а по тебе из надежного укрытия лупит пулемет. Люди бежали, падали, одни вставали, другие нет, но цепи уверенно продвигались вперед. Сколько бессмертных подвигов совершили тогда наши воины! Взвод лейтенанта М. Дзигунского шел впереди всех: взята одна траншея, вторая, и вдруг — дзот. Пулемет прижал атакующих к земле. Лейтенант забросал дзот гранатами. Пулемет умолк, но ненадолго. Тогда командир с кличем «Вперед, орлы!» бросился на амбразуру и закрыл ее своим телом... Во время форсирования Северной бухты попала в окружение небольшая группа наших разведчиков. Гвардейцы приняли на себя целую роту автоматчиков, уничтожили артиллерийский расчет, ножами и прикладами перебили фашистов, но все, кроме тяжело раненного командира, погибли. Сейчас на этом месте стоит памятник с навечно высеченными словами: «Бесстрашными они были во имя грядущей победы». Девятого мая к концу дня Севастополь был полностью освобожден. А на следующий день Москва салютовала героям-севастопольцам 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

— Севастополь был освобожден, но враг в Крыму еще оставался,— говорит Н. С. Есауленко.— Разбитые и потрепанные фашистские войска отошли к Херсонесу и злобно огрызались: они еще надеялись на эвакуацию.

— Ну, да, — усмехнулся И. П. Шенгур.— Так мы им и позволили. В те дни наши торпедные катера 268 раз выходили на коммуникации противника, потопили множество барж, транспортов и других судов. И вот ведь как бывает, вот что значит советский матрос: корабли мы топили, а захлебывающихся фрицев вытаскивали и доставляли на берег.

— Тех, кто все-таки не сдавался, мы добивали еще три дня,— продолжает Н. С. Есауленко.— Двенадцатого мая фашистская армия, насчитывавшая до начала Крымской операции около двухсот тысяч человек, перестала существовать.

...Дорогой, очень дорогой ценой досталась эта победа. Свидетельство тому — многочисленные памятники и братские могилы, которых немало в городе-герое. Высоко оценила Родина подвиг освободителей Севастополя: 126 воинам присвоено звание Героя Советского Союза, а 118 частей и соединений получили наименования Севастопольских.

Весь мир был тогда восхищен беспримерным штурмом Севастополя. Английский журналист А. Верт писал в те дни: «Одной из загадок войны останется вопрос, почему в 1941—1942 годах, несмотря на подавляющее превосходство немцев в танках и авиации и существенное превосходство в людях, Севастополю удалось продержаться 250 дней и почему в 1944 году русские взяли его за четыре дня».

Что ж, для англичанина это, быть может, и загадка, но не для советских людей. Стоит лишь вспомнить героическую оборону Брестской крепости, невиданную стойкость ленинградцев, мужество сталинградцев, неудержимый порыв бойцов Красной Армии под Курском и Орлом, при форсировании Днепра и у Корсунь-Шевченковского...

Побывав на кораблях и в частях Краснознаменного Черноморского флота, воочию убеждаешься в том, как свято соблюдаются здесь фронтовые традиции, как бережно хранятся реликвии, связанные с героической обороной и освобождением Севастополя. Сейчас здесь служат внуки тех, кто сражался за легендарный город, и служат достойно. Недаром они с особым чувством поют песню, которую пело не одно поколение матросов Черноморского флота:

Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь, Севастополь —
Гордость русских моряков.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Есть в нашем городе музей «Юные защитники Родины». Назван он так потому, что в этом музее собрана тысяча биографий, тысяча судеб маленьких героев — мальчишек и девчонок, которым в военные годы и было всего-то по двенадцать—шестнадцать лет. Я работаю в музее со дня его основания, и, конечно же, мне приходится встречаться со многими, кто более сорока лет назад брал в руки оружие наравне со взрослыми. С некоторыми из них меня связывает многолетняя дружба. И вот сейчас, когда вся страна готовится к сорокалетию великой Победы, я хочу рассказать о Николае Фомиче Печененко, вся жизнь которого — подвиг.

Когда началась война, Коле Печененко было одиннадцать лет. С группой ребят он добирался домой из пионерского лагеря. Попал к партизанам, стал связным. Седьмого ноября сорок третьего года трое юных партизан взорвали фашистский склад боеприпасов в городе Смеле. Коля оказался в гестапо. Его пытали, обливали ледяной водой и истязали снова. Три раза фашисты вели на виселицу, и на третий раз мальчика разбил паралич. В январе сорок четвертого по заданию комиссара партизанского отряда Петра Хижнякова его похитили из гестапо и переправили к партизанам. Когда на партизанский лагерь напали фашисты, с Николаем произошло чудо: он опять смог двигаться...

Коля стал сыном полка, вернулся домой после Победы. И было ему пятнадцать лет. Окончил медицинское училище, курсы шоферов, а потом с отличием — автодорожный институт. Работал главным инженером в Артемовке Полтавской области. Еще когда болезнь только подступала и Николаю Фомичу было трудно ходить, жена, Евгения Федотовна, отправив детей в детский сад и школу (а их четверо), бежала на завод, чтобы помочь мужу подняться по лестнице. А в сорок лет война совсем жестоко напомнила о себе: наступила полная неподвижность.

Но Николай Фомич в беде не остался один. На помощь пришли друзья — фронтовой «отец» Петр Яковлевич Хижняков, Герой Советского Союза Сергей Евдокимович Кузьмин, коллеги по работе и, конечно же, в первую очередь жена. Стоит ли говорить, сколько на ее плечи легло забот! Сейчас дети выросли, живут отдельно, а Евгения Федотовна по-прежнему и домашняя медсестра, и повар, и шофер. Во всех делах главный помощник и верный друг.

Несмотря на болезнь, Николай Фомич встречается с молодежью, он написал книги «Судьба генерала» и «Опаленное детство».

К. РЯБОВА,
ветеран Великой Отечественной войны

Курск.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. П. АСТАФЬЕВА

А. БАСМАНОВ

Поклон своей земле

Астафьевская «Царь-рыба» — рассказ, давший название большой его книге: енисейский браконьер Игнатьич, человек хозяйственный и удачливый, берет на самолов огромного осетра, такого огромного, что не может затащить его в лодку — он падает за осетром в воду, и цепляется на крючья своей же снасти, и проводит почти всю ночь, будто пойманный, с рыбиной в воде, и рыбина в полтонны весом должна утянуть его на дно, и почти нет ему надежды выжить.

Тут — вопрос жизни и смерти, напряженная борьба между ними в оправе природы, странная, жуткая, почти мистическая ситуация: медведь и человек, рысь и человек — понятно, но истекающие кровью, повязанные вместе человек и рыба — нечто, безусловно, необычайное.

Главное в этом «главном» рассказе — мучающая совесть, душевный кризис, изорванный крик «Прости-итеееe...», и, наконец, освобождение. «Царь-рыба» — это, по сути, роман, составленный из органично слитых новелл и эссе, быть может, даже сага — не по протяженности захваченного времени, а по широте взгляда на него. Люди, их взаимодействие с природой, их жизнь рассматриваются с этической стороны — понятий зла, добра, света, тьмы. Это последнее из крупных произведений писателя Виктора Астафьева, отсчитавшего сегодня около сорока лет литературной работы. Но и первые его книги поднимали те же этические вопросы: в упорстве их постановки и в упорстве обращения к своей памяти Астафьев на редкость постоянен.

Художническая биография Астафьева (а стало быть, темы его книг) неотделима от жизненной: сиротство, беспризорничество, детский дом, ремесленное училище, тяжелый труд сцепщика на железной дороге, и война, и писательство, и жизнь в енисейской Сибири. И именно на этом фоне проявляется мировоззренческий принцип Астафьева — не дать высохнуть стволу, корневой системе, питающей то, что зовется душой и совестью нации. Истоки этого кроются у Астафьева, конечно же, в детстве, закаливание и возмужание — в войне, сохранение — в сохранении традиций и законов человечности.

«Последний поклон» — книга о детстве, опять же повествование в рассказах (так сказать, излюбленный астафьевский жанр),— складывался четверть века. Кому этот поклон? Тому, что должно сохраниться в любви и памяти. Тому, что в конечном итоге определяет сегодня и завтра. Недаром и потом, в «Оде русскому огороду» — притче, которая могла бы стать эпилогом «Последнего поклона», Астафьев взывал свое прошлое: «Память моя, сотвори еще раз чудо, сними с души тревогу, тупой гнет усталости, пробудившей угрюмость и отравляющую сладость одиночества. И воскреси,— слышишь? — воскреси во мне мальчика, дай успокоиться и очиститься возле него... И вспомнил, вспомнил то, что хотели во мне убить, а вспомнив, оживил мальчика — и пустота снова наполнилась звуками, красками, запахами».

Краски «Последнего поклона» — краски полевого труда и скромного быта, старинных преданий и мелких деревенских радостей, целой страны вполне оригинальных персонажей — мужиков, старух, юродивых — и мальчишеских игр, которые «были предисловием к будущей жизни, слепком с нее, пусть не обожженным еще в горниле бытия, но в чем-то уже ее предваряющим»,— все это, запечатленное детскими глазами, засверкало теперь разноцветными гранями, вращающимися вокруг центральной оси — главной героини, бабушки Катерины Петровны. Это она учит жизни, это она отвечает на все вопросы существа, в жизнь только вступающего (Почему на небе звезды? Почему вода течет в реке, почему ветер? Что завтра? Что через год? Что после смерти?), отвечает мудро, точно, уверенно и недвусмысленно, поскольку по-крестьянски непререкаемо знает не только о смене времен года, жизни старой на молодую жизнь, но разумеет и смысл этих перемен. Тут — рациональное зерно истинно народного, «безгрешного» характера.

Писатель начинается с «энергии заблуждения» (Л. Толстой), с ощущения того, что никто за тебя не скажет, что можешь сказать только ты, и с ощущения силы сказать это. У Астафьева должно было быть высказанным то, что заключалось лишь в собственном опыте и в молодом опыте перерожденной страны: коллективизация, ломка и стройка жизни, трагедия войны, новое освоение (и усвоение) того географически необъятного, что лежит к востоку от Урала.

Как и многие писатели, его сверстники, конечно, не мог обойти Виктор Астафьев и войну, которую прошел он солдатом: «С окончанием «Последнего поклона» я расстаюсь навсегда с темой Сибири и детства и целиком перехожу на поле брани — надо, пока не поздно, написать все же «свою войну», никто ее за меня не напишет».

Войне посвящены целиком повести «Звездопад» и «Пастух и пастушка», отзвуком ее, багровым светом полна и «Ода русскому огороду». Говоря о войне, Астафьев обращается в обеих повестях к теме любви: тут психологический и эмоциональный камертон для настройки: в пекле, в гари, в крови, в стихии уничтожения оказались девятнадцатилетние, те, чьи сердца (как, собственно, у девятнадцатилетних всех времен и народов) созрели для любви, ожидали любовь и были беззащитны пред нею: на таком контрапункте восторга и смерти строит писатель «свою войну».

Кроме «Звездопада» и «Пастуха и пастушки», война детонирует в десятках рассказов: реалиями ли, снами ли, но возвращается снова и снова. И снова и снова, глотнув ее смрада, оборачивается, будто сделать вдох свежего воздуха, писатель к детству.

Именно туда, к «истинной», своей земле, не сдержав обещания «навсегда расстаться с темой Сибири», и приходит он в «Царь-рыбе» — в мир тайги, охоты, но, самое важное, в мир близких ему людей, близкого языка, близких законов жизни и близких душ.

В отличие от всего, что было написано раньше, «Царь-рыба» построена на обостренно современном материале. Но публицистическая тема блистательно перерастает у Астафьева не только в систему образов, высокохудожественную, но и в философскую, ибо автор тут связывает природу и национальное самосознание в один неразрывный узел: уничижая с в о ю природу, человек оскорбляет родину, плюет в собственном доме.

В книге Астафьева сшибаются страшные силы. Здесь сходятся мощные и твердые характеры — такие, как вечный таежный скиталец и человеконенавистник Гога Герцев, как жестний, увертливый, словно волк, добытчик Командор, как упоминавшийся уже деловитый Игнатьич: они сталкиваются друг с другом, они сталкиваются с природой, они готовы рвать друг у друга и у природы, и тогда природа мстит им. Природа уже в более широком смысле — судьба.

Но не все у Астафьева так мрачно — есть и надежды. Вначале робко появляющийся рядом с «сильными личностями», а потом все более и более заявляя о себе широтой и прозрачностью души, охотник и рыбак Аким вселяет их. И меркнут рядом все персонажи, да и природа оборачивается к нам своей радужной, новою, светлой стороной. «Сон о белых горах» — это окончание и просветление книги Астафьева. Сюжет рассказа романтичен: профессиональный охотник Аким, ушедший на плановое зимовье в тайгу, находит умирающего человека, почти уже даже и не живую от голода и болезни девушку: спасение, выхаживание ее, борьба за нее и есть фабула. Однако дело не только в физическом спасении: прощаясь со своим спасителем навсегда, эта московская окололитературная барышня, капризом занесенная бог весть куда и принимавшая свое исцеление и вновь подаренную ей жизнь почти как данность, будто теряет что-то и одновременно находит в этой жизни и «ей хотелось в чем-то покаяться, попросить прощения, а как это сделать, какие слова сказать — она не знала».

Все, о чем пишет Астафьев, развивается под знаком с о в е с т и как некоего отличительного, типичного признака людей, и потому-то его подлинные герои близки и друг другу и героям лучших русских книг: бабушка Катерина Петровна из «Последнего поклона» и Платон Каратаев из «Войны и мира», Аким из «Царь-рыбы» и лермонтовский Максим Максимыч, безусловно, найдут общий язык.

Шестьдесят лет для прозаика — возраст, когда можно остановиться, осмотреться, присесть перед новым куском дороги, ибо, как говорил сам Астафьев, оканчивая последнее повествование: «Всему свой час и время всякому делу под небесами» — время насаждать и время вырывать насажденное, время плакать и время смеяться, время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время избегать объятий, время искать и время терять, время молчать и время говорить. О чем нам скажет Астафьев в будущем — дело будущего. Сегодня же достаточно уже сказанного. Чтобы подумать. Чтобы улыбнуться. Чтобы погрустить. Чтобы вслед за ним поклониться своей земле.

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

Н. БУМАГИНА

Фото Павла КРИВЦОВА

— Да, такими мы были почти сорок лет назад, весной сорок пятого. Для нас война закончилась в Чехословакии. Там, в городе Моравска-Острава, и сфотографировались. Слева Анна Чекрыгина, в середине Вера Сафронова, а справа я,— улыбается, разглядывая снимок, Нина Трофимовна Муравецкая.

На дворе опять весна, весна 84-го. В маленьком садике у дома хозяйничают скворцы, почки набухли, и нужна, наверное, только одна теплая ночь, чтобы они распустились. Привела меня сюда, в поселок близ Нового Оскола, фотография с выставки — вот она, перед вами. В отрезок времени между двумя этими снимками вместилась жизнь в десять раз более долгая, чем та война. У всех она была разная, хватало горестей, но и радости выпадали. И была эта жизнь согрета их давней дружбой.

— Ладно, девчата, пошли в дом,— увидев подошедших подруг, зовет хозяйка,—там и поговорим. Самовар уже шумит... Познакомились и подружились мы здесь, на птицефабрике, еще в тридцать третьем году. Жили в общежитии. В самом начале войны записались на курсы сандружинниц. В один день ушли на фронт.

— Попали мы в одну часть,— продолжает Анна Филипповна.— Называлась она эвакоприемником № 105. К нам поступали раненые из полевых лазаретов или прямо с поля боя. Оказывали им первую помощь и отправляли в тыл. У нас задерживались только те, кого нельзя было трогать.

Под госпитали занимали самые разные помещения. Это могла быть и заводская столовая и деревенская изба. А размещали прямо на полу, укладывали на матрацах по обе стороны узкого прохода. Самих нас определяли на постой по домам. Но только не часто мы там

появлялись. Так устанешь за дежурство, что сил дойти до постели не было, да и некогда: знали, что через несколько часов снова заступать.

— Страшнее всего было в Сталинграде, хотя мы находились на левом берегу,— вступает Нина Трофимовна.— Раненых переправляли по реке. Вода в ней была красная. К тому времени мы были уже закаленными, но все равно переживать людские страдания невыносимо. Только и утешение, что поплачешься друг дружке. Мы так и держались втроем. Там, под Сталинградом, в самый разгар боев вступили в партию, тоже в один день. Очень хотелось побывать в тех местах после войны. Собирались давно, но выбрались только в прошлом году. Осмотрели город. Как отстроился Волгоград! Красивый, торжественный... А потом поехали в Ленинск, где стояла наша часть. Это райцентр неподалеку от Волгограда. Что вы думаете? Нашли и дом, где мы тогда жили, и даже тетя Юля, хозяйка, оказалась жива. Она нас не узнала, а мы заходим как к себе домой, поднимаемся наверх. Вот, говорим, здесь Нюра спала с Верой, здесь Нина. Тут уж наша тетя Юля расплакалась.

Подруги замолчали. Задумались отрешенно. Но бойкая Вера через некоторое время продолжала:

— В Волгоград мы выбрались втроем, а вот Нине с мужем удалось проехать по многим фронтовым местам. Крым, Карпаты — там мы тоже хватили лиха.

После войны уговаривали нас остаться в Закарпатье. Жилье сулили хорошее, работу. Да только мы свое твердили — домой, домой! А домом-то до войны, помните, было общежитие. Но все равно хотелось нам только в наш Новый Оскол. Вернулись. Надеялись поработать в больнице. Чего-чего, а уж опыта по выхаживанию больных было вволю. Но в райкоме партии нам сказали: поработайте, девчата, пока птичницами.

И завершает воспоминания Нина Трофимовна:

— Пришлось ходить по домам, просить у людей, чтоб дали кто сколько может кур, уток. Постепенно отстроились, наладили дело. Теперь-то вы видели — целый птичий город. Так и остались там до пенсии. Вера Сафронова стала Героем Социалистического Труда.

Я с тремя подругами побывала на Госплемптицезаводе.

Мы идем по дорожкам, которыми так много лет ходили подруги. Они ревностно осматривают свои бывшие рабочие места. И успехи замечают и огрехов не упускают — кажется, взялись бы сейчас да быстро исправили. Руки так и просятся в дело!

А как теперь живет-поживает старая гвардия?

— Ничего. Квартиры у нас хорошие, топливом обеспечивают, огороды есть. Прошлой весной отправились все вместе отдыхать к морю. Уж так-то хорошо было! Путевки нам дали бесплатные,— рассказывает Нина Трофимовна.— Дел и теперь хватает. У Анны ведь пятеро детей, теперь о внуках душа болит, а мы вместе с ней ее заботы переживаем. Хлопочем по дому, со школьниками встречаемся, по вечерам читаем.

— Да, девчата, прочитала я книгу Симонова «Живые и мертвые»,— подхватывает Анна Филипповна.— Сколько слез над ней пролила! Все можно вынести, только бы не было войны. Чтоб нынешние девчонки не пережили того, что выпало на нашу долю.

СНЯТО ИВАНОМ ШАГИНЫМ

Берлин. 1 Мая 1945 года. Лейтенант А. Берест и боец его подразделения захватили в плен немецкого генерала.

На страницах этого номера журнала напечатано несколько военных снимков Ивана Шагина. Общественность отметила недавно 80-летие этого выдающегося мастера, которому, к сожалению, не удалось дожить до наших дней. Иван Шагин был из когорты талантливых советских фотожурналистов, которые создавали летопись нашей эпохи.

Соратниками Шагина были такие журналисты, как Скурихин, Дебабов, Шайхет, Зельма, и многие другие, которым посчастливилось запечатлеть бурную, полную романтики жизнь Советской страны.

Благодаря их таланту, влюбленности в свою профессию мы можем сегодня увидеть строителей Магнитки и Днепрогэса, первые демонстрации на Красной площади, коллективизацию деревни, первые самолеты и многое другое, что можно начать со слов: «впервые», «первые»...

Политрук продолжает бой.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Красное знамя над рейхстагом. Салют в честь Победы.

1944 год. Белоруссия. Сестры Дина и Надя Чанкевич у своего дома, сожженного гитлеровцами.

1941 год. Разгром немцев под Москвой. Встреча в освобожденном селе.

Я приехал к сыну Ивана Шагина, тоже Ивану, кинооператору кинохроники, чтобы отобрать фотографии для «Огонька». Он выложил на стол пачки фотографий, большая часть которых была напечатана еще его отцом. Просмотр их был увлекательным путешествием в прошлое. Майская Москва 1928 года. Первые пассажиры метро — его строители. Встреча Валерия Чкалова, прилетевшего из Америки. М. Горький с крестьянами. Первый регулировщик Москвы, 1930 год. Курсы трактористов. М. И. Калинин вручает награду И. Д. Папанину. Старая Москва — Страстной монастырь. Первая турбина Днепрогэса и, конечно, кадры Великой Отечественной войны, снятые по-шагински с большой любовью к солдату.

Все, о чем я рассказал, можно будет увидеть на фотовыставке Ивана Шагина, которая откроется ко Дню Победы в Доме дружбы в Москве.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Берлин. 1 Мая 1945 года. Бой за рейхстаг * Москва. Парад Победы.
Фото И. Шагина

1943 год. Орловская область. Здесь прошли гитлеровцы.

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

Ровно через год, 9 мая 1985 года, все советские люди, а также народы стран, которых освободили от гитлеровского ига воины Красной Армии, будут отмечать один из самых величайших праздников — сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Если б можно было выслушать и записать рассказ каждого фронтовика, если б дать возможность всем прочитать эти потрясающие рассказы!.. Наш общий долг — создать летопись подвига миллионов, защитивших страну и человечество от ужасов фашизма.

Сегодня мы обращаемся к тем, кто не просто с честью прошел через огненные годы, но и участвовал в торжественнейшем событии — Параде Победы.

Как известно, два парада навсегда вошли в историю Великой Отечественной: 7 ноября 1941 года, когда враг стоял у стен нашей столицы, и 24 июня 1945 года — Парад Победы.

Он состоялся на Красной площади в ознаменование победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. В нем участвовали сводные полки всех фронтов, Военно-Морского Флота, Наркомата обороны, а также представители военных академий, училищ и частей Московского гарнизона. Сводные полки, в каждом из которых было свыше тысячи человек, комплектовались рядовыми, сержантами и офицерами, отличившимися в боях и имеющими боевые награды.

Сегодня мы обращаемся к этим солдатам, сержантам и офицерам, ко всем участникам Парада Победы: «Отзовитесь, ветераны! Расскажите о себе, о своем боевом пути, о том, как и какими дорогами шли вы к овеянной славой брусчатке Красной площади».

Мы ждем писем и от родных, близких, фронтовых товарищей тех из участников Парада Победы, кто не дожил до сорокалетия великого дня окончания войны.

Самые интересные из писем мы будем печатать в «Огоньке». Авторов лучших писем ждут награды: первые пять мест — годовая подписка на журнал «Огонек» и поездка в Москву, приуроченная к 40-й годовщине Парада Победы, вторые пять мест — годовая подписка на наш журнал.

Пишите нам, дорогие товарищи!

Николай **МИРОШНИЧЕНКО**,
заместитель председателя Совета по драматургии Союза писателей СССР

Слово памяти и надежды

«Лицом к лицу — лица не увидать. Большое видится на расстоянье»,— писал поэт. Чем дальше по времени уходит от нас Великая Отечественная война, тем рельефнее и масштабнее на историческом фоне нашего столетия вырастает великий подвиг советского народа, спасшего человечество от коричневой чумы фашизма. К сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне мы, советские люди, представители всех поколений, приходим с гордым сознанием сопричастности этой невиданной по благородству, гуманизму и мужеству освободительной миссии. Приходим с чувством ответственности перед отцами и старшими братьями за судьбы мира, ради чего они проливали кровь, отдавали жизни. За будущее нашей планеты, над которой сегодня агрессоры, позабывшие уроки мировой истории, пытаются сгустить ядерные тучи.

Роль художника в наше время, мера его ответственности за духовное состояние общества, за дело мира особенно велики. Это подчеркнул на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Константин Устинович Черненко, сказавший: «Исходной в творчестве художника' была и остается его гражданская позиция. Лишь партийный подход помогает постигать ведущие тенденции современности».

Одна из таких тенденций — безусловно, глубокая, вдохновенная разработка военно-патриотической, героической темы.

Сколько бы ни было написано о войне хороших и разных пьес, тема эта бесконечна, неизбывна, как сама судьба нашего великого народа-освободителя.

Фактами не только искусства, но и истории нашей страны стали «Нашествие» Леонида Леонова, «Фронт» Александра Корнейчука, «Русский вопрос» Константина Симонова, «Барабанщица» Афанасия Салынского...

Свою обжигающую боль и правду принесли в литературу и драматургию фронтовики младшего поколения, проведшие войну в окопах, хлебнувшие полной мерой и горечь утрат и радость побед,— Юрий Бондарев, Вячеслав Кондратьев, Виктор Астафьев... Их повести и пьесы не были написаны к какой-то особой, специальной дате, потому что жизнь каждого из них увенчана одной и главной датой — 9 мая 1945 года. Она для них и точка отсчета и критерий всех сущих на земле ценностей — и творческих и жизненных.

Вслед за старшими свое слово о войне стремятся сказать писатели и более молодого поколения.

В литературно-критических полемиках часто повторяется такая мысль: молодые драматурги вряд ли могут сказать о войне что-то «свое», новое, потрясти открытиями и достоверностью. Несостоятельность подобных соображений очевидна. Более того, они вредны, потому что оскорбляют «не нюхавших пороху» недоверием, бьют их по рукам.

Мы же скажем: святая тема подвига народного по силам тому писателю, кто наделен чувством исторической памяти, любви к своему Отечеству, желанием служить ему и, конечно, талантом.

Об этом думал я, находясь на недавно прошедшем тридцатом Всесоюзном семинаре драматургов, работающих над пьесами военно-патриотической, героической темы. Среди его участников были известные писатели: Георгий Хухашвили (Грузия), Ашот Калантарян (Армения), Максим Каримов (Узбекистан), Анаберды Агаев (Туркменистан), Василий Фольварочный (Украина), Аким Тарази (Казахстан), Зот Тоболкин, Азад Абдуллин, Роман Солнцев, Михаил Ворфоломеев, Евгений Чебалин (РСФСР), а также драматурги, серьезно заявившие о себе пьесами, активно вошедшими в последнее время в театральную афишу страны: А. Шагинян, Л. Новогрудский, Я. Стельмах, А. Гецадзе, Ф. Ашуров, Г. Марчук, А. Гулядис, А. Эхин, А. Гондю и другие.

Готовясь к встрече с участниками семинара, я, как и мои коллеги, испытывал определенную озабоченность. Идя к сорокалетию великой Победы, многие театры страны находятся сейчас в поиске своей пьесы о войне, мечтают поставить спектакли такого художественного звучания, как «Берег» и «Выбор» Ю. Бондарева в Малом театре, «Суд над судьями» Э. Манна в Театре имени Моссовета, «Вечно живые» В. Розова в «Современнике», «Молодая гвардия» А. Алексина по А. Фадееву в Центральном детском театре, «Отпуск по ранению» В. Кондратьева в Театре на Малой Бронной, «Прости меня!» В. Астафьева в Вологодском театре юного зрителя.

Большинство театров ждут принципиально новых, нетрадиционных, оригинальных по взгляду и образной системе пьес о войне. Надо сказать, что проза и поэзия последних лет дали нам целый ряд великолепных произведений, в которых глубоко, ярко, масштабно и самобытно осмысливается война, ее политическое, социальное, психологическое и нравственное воздействие на личность, народ, государство, историю.

Драматургия же, по общему признанию, к сегодняшнему дню, ну, скажем так: не сдала своих позиций, но и не набрала того могучего, мощного темпа освоения военной темы, который характерен для прозы и поэзии. Ощущается недостаток масштабности в осмыслении этой славной страницы нашей истории, некоторая локальность взгляда, особенно у молодых, книжная заданность сюжетных линий. Да, это непросто — писать пьесу, чувствуя за спиной огнедышащую прозу Юрия Бондарева, Михаила Алексеева, Анатолия Иванова, Ивана Стаднюка, Петра Проскурина, Анатолия Ананьева, Александра Чаковского, пламенный, точно нацеленный стих Егора Исаева, Давида Кугультинова, Евгения Винокурова, Николая Грибачева, Кайсына Кулиева... Их живое, страстное слово, проникнутое болью, надеждой, добром, переносит нас в то героическое время, и, кажется, ты вместе с их героями стоишь в окопе, сражаешься с врагом, становишься участником нерушимого фронтового братства.

Все это предъявляет к драматургии новые, повышенные требования.

Могу сказать, что занятия с участниками семинара, обсуждение пьес и творческих разработок, которых было представлено более пятидесяти, в целом принесли удовлетворение и оправдали наши надежды.

Представленные произведения многожанровы: тут и яростная, почти документальная хроника войны, бессмертия, как можно было бы обозначить пьесу Михаила Ворфоломеева «Окопы» — о сражавшейся до последнего снаряда одной из наших армий, попавшей в окружение.

Примечателен тот пристальный интерес, который испытывают некоторые драматурги к событиям и фактам напряженной, суровой, самоотверженной жизни тыла, где победа ковалась не воинскими, а трудовыми подвигами.

О суровой, неброской, небогатой на краски и внешние события, категорически противоестественной ложному пафосу и громыханию победных литавр крестьянской жизни военных лет писать очень непросто.

Какая сложность судеб и взаимоотношений таится за всем этим, какое богатство советского характера, какой драматизм, а подчас и трагизм ситуаций, в которых оказываются герои.

Героиня пьесы Зота Тоболкина «Добрый день! Веселый час...» Настя, девчонка из блокадного Ленинграда, эвакуированная в сибирскую деревню, познавшая отчаяние невосполнимых утрат—гибели отца, смерти матери,— пытается наивно, по-детски защитить односельчан от горя. Работая на почте, она прячет похоронки, а вместо них сочиняет осиротевшим семьям письма от их якобы живых отцов, братьев, сыновей...

Можно ли судить ее за это? Драматург не дает однозначного ответа, просто потом Настю накажет жизнь руками бездушной, эгоистичной женщины, из-за которой Настины письма не дойдут к единственному родному человеку — младшему брату.

Главная же мысль и этой и некоторых других пьес в том, что человек должен иметь в себе силы смотреть прямо в глаза и горю и радости, обязан выстоять в испытаниях и сохранить все лучшее в себе. Как это смогли сделать старики Страшновы из пьесы Анатолия Сорокина «Колокола громкого боя», потерявшие на войне четырех сыновей, внучку, а младший их сын Михаил вернулся с войны инвалидом.

Как смогли это сделать девушки-зенитчицы из пьесы Льва Новогрудского, для которых на всю жизнь осталось главным — необходимость помочь другу, неразрывная связь времен, святой долг людской памяти. Запоминается образ старого солдата Федоса Сталетова из пьесы Василия Ткачева «Ты будешь жить», его слова, обращенные к печи — единственно уцелевшему свидетелю и участнику когда-то мирной и счастливой жизни в родной хате: «Нет, не припомню я, однако, чтобы под ногами врага печь рассыпалась на кирпичики. Не припомню... Хат нету, а они стоят. И снаряд те кирпичи разнять не может... Ты вот мне скажи, ответь, печь, почему это так?.. Потому что ты — святое творение. Огонь в твоем нутре, печь. А кто огонь задушить сможет?»

Крестьянская печь в этой пьесе становится символом народной стойкости, великого мастерства, животворного тепла, бережного отношения к творению рук старших поколений. Пройдут десятилетия, и приемный сын Федоса ощутит острую потребность, наследуя чувства и дела отца, сложить точно такую же печь, вернуть, перенести из прошлого в настоящее драгоценные крупицы утраченного умельства.

Вообще стремление осмыслить связь времен, соединить события прошлого и настоящего в неразрывную цепь, проследить духовную и гражданскую преемственность поколений отличает многих участников семинара. Это и понятно: только прошлое помогает осмыслить настоящее и предвидеть будущее, говорит древняя мудрость.

Для многих пьес характерно развертывание действия в двух временных пластах, своего рода перекличка времен, и это не формальный прием, не дань моде, а органическая потребность, продиктованная авторской идейно-художественной задачей.

В пьесе Льва Новогрудского бывшие зенитчицы, собираясь в День Победы в парке своей юности, не просто вспоминают фронтовые будни. Одна из них уже после войны ценою огромных усилий и душевных затрат восстанавливает посмертно доброе имя человека, совершившего подвиг и несправедливо осужденного.

Вот эта нравственная необходимость активно отстаивать справедливость, как бы далеко в прошлое ни ушли события и факты, святой долг людской памяти и есть центральная тема пьесы.

Круг подобных нравственно-

философских проблем занимает и молдавского драматурга Анатолия Гондю. В его пьесе «Праздничный стол» сегодняшний день переплетается со вчерашним, а то и с позавчерашним, и мы понимаем, что непохожие характеры героев, их поступки и действия, по существу, определяют одно — человечность, обостренное чувство ответственности и перед прошлым и перед грядущим.

Даже если календарно современность не присутствует в пьесе, то активная обращенность к ней видится в исторических, событийных ассоциациях, в пафосе поднимаемых автором общественно-политических и нравственно значимых проблем.

Евгений Чебалин посвятил свою новую пьесу «Год в «Созвездии Кабана» острейшему поединку советских разведчиков с гитлеровцами, в ходе которого удалось сорвать планы наступления оккупантов на Кавказ, их попытку расчленить его с помощью предателей-националистов. Основанное на документальном материале, остросюжетное драматургическое произведение, несомненно, актуально и сейчас, когда заокеанские и западные агрессоры усиленно реанимируют труп национал-социализма...

Наш семинар проходил в серьезной, заинтересованной и взыскательной творческой обстановке. Тем более приятно, что можно говорить как о состоявшихся почти о трети представленных работ.

Хотелось бы особо отметить яркую, остропублицистичную, полную душевного горения пьесу Василия Фольварочного о замечательном писателе-антифашисте Ярославе Галане. Немало советских писателей погибло на зримых и незримых фронтах Великой Отечественной. Но Галан — единственный, кто погиб от рук врагов прямо за письменным столом. И сценический его образ призван стать для всех художников слова примером борцовской непримиримости, самоотверженной борьбы за дело мира и коммунизма. Как тут не вспомнить слова Афанасия Салынского, очень точно обозначившего, на мой взгляд, важность такой позиции советского писателя, драматурга: «...Идет непримиримая борьба двух идеологий — буржуазной и коммунистической. И чтобы победить в этой борьбе, мы должны использовать оружие искусства. И надо, чтобы ничто не мешало нам применять его в полную силу. И чем острее будет это наше оружие, тем оно будет эффективнее».

Заслуживают внимания новые работы Александра Петрашкевича («Воскресшая память»), Юрия Ильинского («Взрыв»), Миколы Петренко («Триста мин на музей»), Эрмена Токтогулова («Кровь и пуля»), Романа Солнцева («Четверо под ночным небом»), Александра Шагиняна («Семь цветов радуги»)...

Новая пьеса... Судьбу ее так же непросто определить и предсказать, как судьбу новорожденного. Ясно одно: помочь ей обрести право гражданства, вывести на суд зрителя может только театр. Театр, кровно в ней заинтересованный, озабоченный тем, чтобы ответить творчеством своим на самые сокровенные, самые волнующие проблемы, поставленные временем.

Итак, слово за Театром!

вернисаж «огонька»

В маминых туфлях.
Фото Ю. ЩЕННИКОВА (Ленинград)

В школу с шести лет

А. ВИГНАНСКИЙ
Фото С. ЭДИШЕРАШВИЛИ

Когда на тихой гористой тбилисской улочке Саирме выросло нарядное здание школы, особенную радость новоселье принесло... нескольким ученым-методистам из лаборатории экспериментальной дидактики во главе с доктором психологических наук Шалвой Амонашвили. Сотрудники НИИ педагогических наук Минпроса Грузии получили право и возможность обучать здесь детей с шести лет. Сколько было тогда возражений! Не только от родителей, но и от некоторых ученых: «Куда спешить?», «Детская психика не готова к этому». Дело доходило до упреков: «Не отнимайте у детей детства».

С тех пор минуло пятнадцать лет. Сегодня уже нет сомневающихся в целесообразности обучения в школе с шестилетнего возраста.

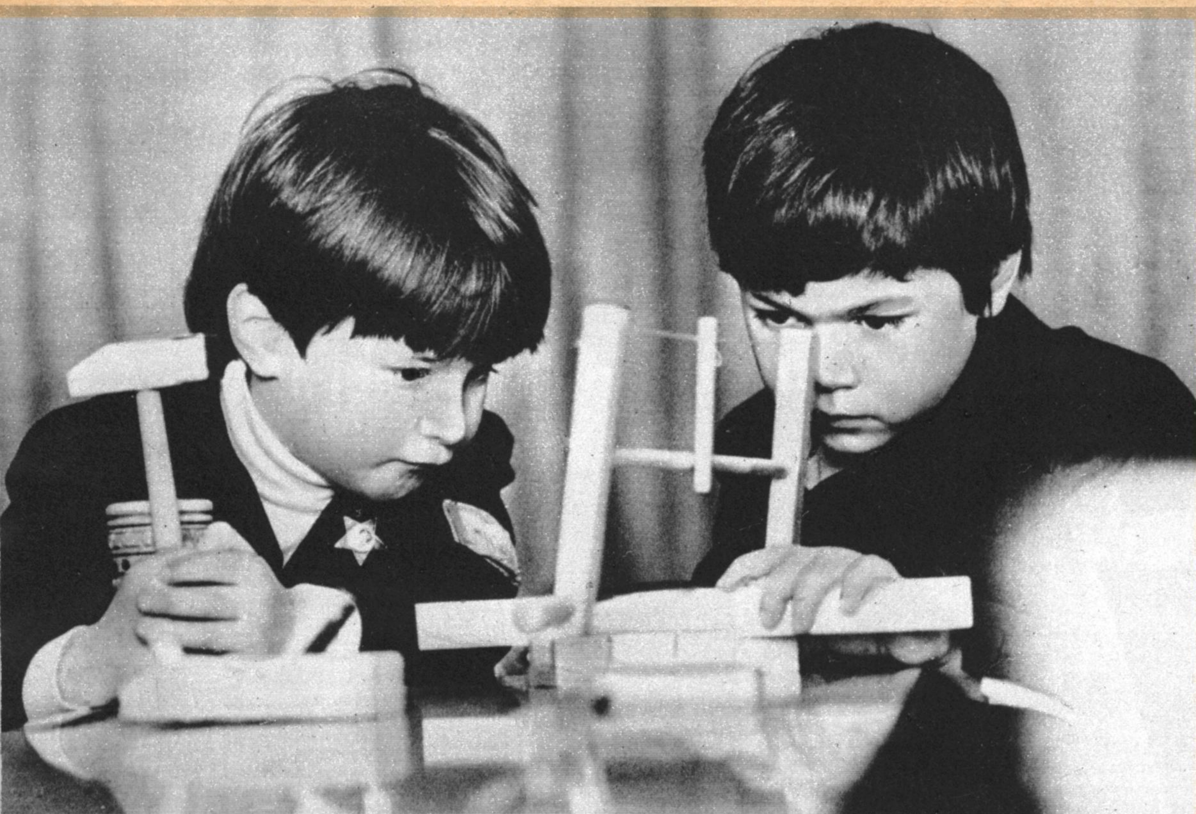
И вот мы в «нулевках» школы на улице Саирме. В основу обучения здесь положены три основных принципа: самый высокий для этого возраста уровень трудности; упор на развитие аналитических способностей учащихся; увеличение объема теоретических знаний. Ученые считают, что именно в шесть лет у детей пробуждаются задатки, формирующие личность. Они стремятся зажечь в ребенке любовь к школе, урокам, к своему воспитателю, возбудить в каждом жажду знаний, увлеченность. Ребенок должен поверить в свои силы, радоваться школьному дню, встрече с педагогом. Стимул не отметки, а сам интерес к учебе, желание узнать новое. Вот характерный пример:

— Обязательного домашнего задания я вам не даю, если хотите, сами приготовьте его по любому предмету, отметки ставить не буду.

Это говорит учительница обычного третьего класса обычной школы. Ту же самую инструкцию получают шестилетние. И вот результат: 36 третьеклассников отнеслись к заданию формально — лишь несколько ребят списали тексты из учебников или решили несложные арифметические примеры. На вопрос, почему они не выполнили задания, дети ответили: «Но ведь это было необязательно...» Иная картина предстала перед нами в «нулевке»: ребятишки выполнили по два, три и даже четыре задания. Это были стихи и рассказы собственного сочинения, переводы с грузинского на русский язык, оформление различных альбомов. Когда мы их спросили, почему они сделали так много, школьники отвечали: «Но ведь это интересно!»

У шестилетних — пятидневная учебная неделя, длительность урока сокращена до 35 минут. На больших переменах игры. Пока мяч в воздухе, надо решить арифметическую задачу. «Ну-ка, Майя, от 57 отними 34». И учительница бросает мяч на заднюю парту. Несколько минут ушло на просмотр веселых познавательных диафильмов. Гела Гурули и Георгий Брамидзе так увлеклись заданием по труду, что даже не обратили внимания на фоторепортера. А теперь — небольшая разминка, игра в кегли. Но и здесь экспериментаторы преследуют свою цель — победителю предоставляется право на следующий день выступить с чтением своего произведения: это может быть стихотворение, небольшой рассказ, сказка. В программе обучения шестилетних — постановки детских спектаклей. Сейчас готовят сказочный дивертисмент, в который входят «Красная шапочка», «Золотой ключик», «Карлсон, который живет на крыше».

А пока идет перемена, директор НИИ педагогических наук, профессор Шалва Амонашвили интересуется ходом эксперимента у педагога начальных классов Дареджан Мерквиладзе и заведующей учебной частью Мзии Гвилава.

Гела Гурули и Георгий Брамидзе: «Труд — это интересно!».

«Можно выйти на минутку!».

Профессор Шалва Амонашвили, учительница Дареджан Мерквиладзе и завуч Мзия Гвилава.

Кто победит в игре!

Шестилетки репетируют сказку.

Лев ФИЛАТОВ

Из форвардов — в тренеры

Давид Кипиани — в прошлом один из лучших форвардов страны, а ныне тренер тбилисского «Динамо».

Фото А. Бочинина

Мы привычно толкуем о прогрессе футбола. Приметы его находим в убыстрении движений, в нюансах тактических схем. Однако наша бодрая констатация страдает обезличенностью; прогресс идет как бы своим чередом, сам по себе, независимо ни от кого. А он рукотворен; едва ли не целиком зависит от людей тренерской профессии. В чем же причина умолчаний? В скромности, неосведомленности, несправедливости? Все дает себя знать понемногу. А более всего — неустроенность, двусмысленность, уязвимость этой профессии.

Она еще очень молода. Было время, когда вся власть принадлежала капитанам команд. Потом появились тренеры, люди закулисные, в часы игры посиживавшие на лавочке. И тут же был изобретен ловкий афоризм: «Выигрывают футболисты, проигрывает тренер». Он оказался чрезвычайно удобным, дал адрес «козла отпущения». И по сей день он позволяет администраторам «принимать меры», не вникая в суть событий, в положение дел.

И зачинатели этой профессии и, можно сказать, их внуки — нынешние ее представители — свою многотрудную и без того нервную службу несут, стоически выдерживая нахрапистые, неразборчивые обвинения, терпя скоропалительные наказания. Б. Аркадьев, В. Маслов, Г. Качалин, М. Якушин сегодня, когда вокруг их имен уже не бурлят конъюнктурные страсти, зачислены в «классики», на них ссылаются, их приводят в пример. Но сколько же в свое время на их долю выпало уничижительной критики, взысканий и даже увольнений! Помню, Борис Андреевич Аркадьев, человек интеллигентный, выдержанный, наделенный чувством собственного достоинства, о деле, которому посвятил всю жизнь, отзывался с иронической грустной улыбкой: «Странная, в высшей степени странная профессия!»

Как же мало знаем мы тренеров! Удивительно: игроки издают мемуары (еще бы, они же, согласно ходовому афоризму, всегда в выигрыше), а из тренеров с заслугами ни один — ни Аркадьев, ни Маслов, ни Качалин, ни Якушин, ни Бесков — книг не имеет. Вот и попробуйте составить представление о том или другом тренере.

И все же лед тронулся. Все чаще общественный суд милостиво соглашается признать, что и тренеры выигрывают. Умножаются примеры благотворного влияния тренеров на судьбы команд. И, к счастью, мало-помалу формируется мнение, что все вообще начинается с хорошего тренера. Я глубоко убежден, что футбольный прогресс будет еще более очевиден, когда тренерская профессия приобретет все полагающиеся ей права и уважение.

Сразу ограничу тему разговора: мне представляется интересным поговорить о тренерах, вышедших из знаменитых форвардов. Мы удивляемся и огорчаемся, что мало кому из прекрасно игравших, отличавшихся на поле ясным умом, волей и искусством, кому мы верили, суждено было сделаться столь же видным тренером. Пришлось признать, что существует барьер, через который «звезды» перешагивают не часто. Зато если барьер преодолен, то человек в свое новое дело, хочет он того или нет, привносит многое, если не все, из того, что было ему присуще в юные годы, когда он бегал по полю и забивал голы, и мы в нем, тренере, без труда и не без удовольствия узнаем прежде знакомого нам форварда. Такие есть.

Михаил Якушин, инсайд довоенных времен, непроницаемый, замкнутый, себе на уме. С высоты своего роста, как с дозорной вышки, он держал в поле зрения футбольное поле, наблюдательный, памятливый, не упускал из виду ни единого летучего шанса. И тренером стал реалистического толка, вел счет мелочам и деталям, назубок знал противников, его уверенная рука чувствовалась одинаково и в классных командах московского и тбилисского «Динамо» и в среднего достоинства «Пахтакоре», которого он не давал в обиду...

Валентин Николаев, один из уникальных армейской федотовской пятерки нападающих, каждый из которых забил по сотне мячей. Как на поле верой и правдой, от ворот до ворот, служил он игре, в поте лица обрабатывая футбольную землю, так и тренером требовал от молодых такой же верной службы. И умел своего добиться: молодежная сборная СССР дважды становилась чемпионом Европы, был с Николаевым во главе чемпионом страны и его родной ЦСКА...

Константин Бесков, форвард-штурман, суровый геометр, свято верящий в игру умную, логичную, обоснованную. Он стал тренером-режиссером и немало выстрадал из-за того, что не давали ему времени для его постановок, требуя побыстрее высоких мест и призов. Когда же наконец в «Спартаке» он получил время и доверие, то создал фактически на ровном месте интересную, в своем вкусе команду...

Никита Симонян, самый изящный из форвардов, тонкий, с безошибочным ощущением голевого момента. И как тренер проявил себя мастером отделочных работ, умевшим навести блеск и лоск, и «Спартак» и «Арарат», становясь под его начало, делались чемпионами, радовали глаз красивой, атакующей игрой...

Все эти тренеры со стажем и сложившейся репутацией, их мы знаем много лет. Тянется ли дальше эта нить — из форвардов в тренеры?

Самым заметным прибавлением в семействе тренеров в последние сезоны стал Эдуард Малофеев. Он выдвинулся стремительно и сейчас приложит все усилия для укрепления олимпийской сборной.

Сборная под его руководством завоевала право участвовать в Олимпийских играх, но работа Малофееву предстоит еще очень большая, команда нуждается в значительном укреплении как в линии защиты, так и в линии нападения. Широкая аудитория знает Малофеева сравнительно мало, интерес к нему еще не удовлетворен. Одаренность Малофеева как форварда многим могла показаться скорее душевной, сердечной, чем физической. И удар у него был неопределенный, средней силы, и особо ловким трудно было назвать этого румянощекого, ясноглазого крепыша с чуть кривоватыми ногами.

Хотя я и давно связан с людьми футбола, но пуда соли с ними не съел: у журналиста особый наблюдательный пункт, он со своими героями в обнимку не ходит. И все же моих знакомств и наблюдений достаточно, чтобы утверждать: в большинстве, в лучшем большинстве, люди футбола простодушны. Открытое занятие — футбол, открытые и его люди. Малофеев наделен прямо-таки идеальным для футбола простодушием. Он играл в команде средней руки — минском «Динамо», но с таким старанием, словно от каждого матча зависело все в его судьбе. И сто голов открыли ему двери заветного Клуба бомбардиров имени Григория Федотова.

И вот Малофеев тренер. Все в том же минском «Динамо», команде средней руки. Ну хорошо, шагнул с ней вместе из первой лиги в высшую, не такая уж невидаль. В высшей лиге минчанам полагалось бы вести себя благоразумно, смирно и скромно, дорожа местом. Не тут-то было, они, как вскоре выяснилось, заявились не время проводить, а с претензиями, да какими — на чемпионство! И мы смогли убедиться, что Малофеев свою жизнь в футболе продолжает на той же высокой ноте, что он по-прежнему в приподнятом настроении — грудь вперед и рвется к воротам.

Став в один день, как тренер чемпионов, фигурой, всех заинтересовавшей, он при каждом удобном случае заводил речь о «чистосердечном футболе» (эпитет сам подобрал), подразумевая под этим родство и единство со зрителями, честную борьбу в каждом матче, желание игроков тратить на поле все, что они имеют за душой. Он отверг охоту за турнирными очками, трусливое, ущербное деление игры, в зависимости от стадиона, на «свою» и «чужую».

О моральных категориях заговорил в полный голос молодой тренер. Все видели, что игра его команды в чисто футбольных аспектах соответствовала лучшим образцам—разумная, быстрая, атлетичная, твердая. Но это он считал делом сугубо профессиональным для сегодняшнего состояния игры. И в этом нет ничего удивительного: Малофеев, получив чемпионскую трибуну, продолжал чувствовать себя форвардом, он не мог не забить тревогу, видя, что в бесконечно дорогой его сердцу футбол ужом проползает хищническое, корыстное браконьерство.

Тренер из форвардов, по сути дела, начинающий. И, глядя на него, разве не тянет сказать, что хороший тренер обязательно должен быть прежде всего честным?! Перед футболом, перед зрителями, перед командой. Малофеев такой не единственный и не первый. Но он необычайно вовремя напомнил, от какой печки полагается танцевать людям его профессии, в чьих руках благополучие футбола. Как бы футбол ни менялся, он остается простодушным по целям своим, по предназначению, по вечному стремлению — играя, побеждать. Если отнять у него это простодушие, останутся видимость, фикция, обман...

Валентина Иванова, торпедовца, как тренера полагалось бы зачислить в бывалые,— немало сезонов у него за плечами. И все же никто не скажет, что он фигура определившаяся. От него продолжают ждать. Сущий бес, он и секунды не проведет спокойно, вскакивает, вздымает руки к небу, взывая к справедливости, кричит, сложив ладони рупором. Мне

рассказывали, что игроки его жалеют: «Разве так можно убиваться? Да вас же надолго не хватит». Лица, призванные следить за порядком, укоряют его, одергивают. Нехорошо? Разумеется, если опираться на благочинное представление о тренере как о человеке с бездонным терпением. Но ведь и не нарочно же он такой. Команда Иванову досталась непростая, люди помнят ее прекрасные сезоны, помнят и то, как блистал на поле ее нынешний тренер и «великий инсайд», требуют, торопят, и их можно понять,— надоела репутация команды «перспективной», а она никак не выбьется из середины. Вот и мечется Валентин Козьмич, тоскуя о торпедовской игре...

Впрочем, только ли поэтому? Разве не был он точно таким же в свои полевые сезоны?

Он играл и успевал, как искусный мим, крохотными жестами, передергиванием плечами, поворотом головы сообщать внимательному зрителю, как он относится к происходящему. Он вел игру и комментировал ее. Он, как и полагается, кидался отбирать глупо потерянный партнером мяч и при этом давал понять, как он возмущен глупой потерей. Выскочив на открытую позицию и не дождавшись мяча, он, опять-таки как полагается, бежал стремглав обратно, но в наклоне головы виден был упрек тому, кто его не заметил.

В его долгой торпедовской службе выпадали лучи света: игра в паре с юным Стрельцовым, ярчайший сезон 1960 года, под конец — чемпионский 1965-й. В остальном же «Торпедо» вела серединное существование. Большей частью Иванов играл с партнерами, уступавшими ему в классе. Он вечно был перенапряжен, зная, что при неудачах не на других, а на него обращались укоризненные взгляды, его промахи считались особо непростительными. А он был рожден для игры тонкой, нервущейся, игры с ответом, трудной по замыслу и легкой по исполнению. Поле он скорее чувствовал, чем видел. Это было его счастьем и наказанием. Его то понимали, то не понимали. Если сказать — через раз, то хорошо. Он и голы забивал хитро,— найдет незащищенное пятнышко, вроде того, откуда бьют пенальти, скользнет туда, и сразу никто и не сообразит, что произошло, а мяч — за белой линией, и сам Иванов смотрит ему вслед, будто тоже удивлен. Сокрушающие удары, молодецкие прорывы не были его стихией, душа его тяготела к лабиринту, к игре затейливой, в которой он, выдумщик, мог себя показать. Все его действия были на нервах, на отгадке, часто рвались в тесноте, но уж если ниточка, им продернутая, попадала в игольное ушко, то это был фокус на загляденье.

Когда я вижу, как страдает Иванов на скамейке, вместе с сочувствием закрадывается вопрос: «Не оттого ли так надолго затянулось его тренерское мытарство, что он, как и в свои футбольные годы, все ждет и надеется, что вот-вот сам по себе вспыхнет и побежит пламенный язычок игры?» Тут позволительно только гадать: интуитивный форвард — интуитивный тренер, чем это обернется, чем завершится?..

И еще один из знаменитых, из федотовского клуба, тбилисский динамовец Давид Кипиани. Едва сняв бутсы, он стал тренером команды, где почти все игроки выходили на поле вместе с ним. Что его ждет? И на что можно рассчитывать?

Когда в декабре семьдесят седьмого журналисты выбрали Кипиани лучшим футболистом года, они не знали, что год спустя он получит золотую медаль чемпиона страны, еще через год выиграет Кубок СССР, а весной восемьдесят первого — Кубок кубков. Что ни говорите, регалии имеют над нами власть, в этом же предпочтении они не утяжеляли чашу весов избранника. Все решило его бросавшееся в глаза искусство. Но не оно одно.

Сезон семьдесят седьмого оставил о себе недобрую, тревожную память. Это тогда наша высшая лига погрязла в мелкотравчатых расчетах, чуть не половина матчей закончилась вничью. Среди тренеров объявились «модернисты», бесстыдно высмеивавшие тех, кто пытался говорить о футболе как об игре красивой, увлекательной, имеющей обязанности перед аудиторией. В тот момент еще не пробил час «Спартака» и минского «Динамо», они находились за пределами высшей лиги, и неизвестно было, на что надеяться.

Тбилисское «Динамо» оставалось островком футбольной игры, подобием заповедника, и к нему с надеждой обращались взоры. А в этой команде возвышался человек, всем на удивление верный идеалам футбола, не желавший считаться с тем, что творится вокруг, игравший, как ему подсказывало сердце. Голоса журналистов и были ему наградой за прекрасное, отважное чудачество. Тот референдум выбрал игрока и выбрал футбол, угодный людям.

Когда я мысленно представляю себе играющего Кипиани, вижу, как он делает длинную передачу. Длинная передача — повеление игре перемениться, перестроиться, приказ разума. Дело зашло в тупик на левой стороне, мяч безысходно буксует в толчее, и тут кто-то решительно посылает его на правую сторону, оказывается, там есть кому его подхватить, и атака из бестолковой и тесной вмиг превращается в свободную и опасную. Это всегда красиво и умно. Но такая передача не всем доступна не только по техническим причинам. Она требует смелости, футболист должен презреть возможность ошибки, которую ему потом припомнят. Передачи Кипиани создавали рисунок, которому было послушно тбилисское «Динамо», рисунок, позволивший команде несколько лет подряд славиться на европейской арене. Команда тех лет явила в своей судьбе самое высшее и заветное, что существует в футболе: единство игры и достижений. Этому взлету Кипиани отдал всего себя, пройдя весь путь от начала до конца. Его последний сезон стал и последним сезоном той команды.

Играя, Кипиани исподволь готовился стать тренером: приглядывался, вел записи, размышлял, занимался самовоспитанием, чтобы голова всегда оставалась ясной. Помня, как играл Кипиани, нетрудно вообразить, какую он должен замыслить команду. Но это следующая страница, она открыта с этой весны, озаглавлена и еще бела...

Почему же все-таки внимание оказано тренерам, вышедшим из форвардов? Не случайный ли это, чисто внешний прием? Тут же укажут, что из перечисленных авторо́м «классиков» Аркадьев и Качалин были в молодости защитниками, а Маслов по терминологии того времени — хавом, полузащитником. Да и, кроме того, все трое не из «звезд». Нет, речь идет не о формуле, которая преподнесла бы универсальный ключ. Хороший тренер может получиться и из защитника, точно так же, как бывший нападающий, получив команду, откроется вдруг человеком опасливым, без творческой жилки, простым собирателем турнирных очков, родственником Плюшкина. Имеется в виду другое: хороший тренер — в душе форвард в лучшем смысле этого слова. И не может им не быть.

Существуют в футболе обязательные вещи, о которых тем не менее разглагольствуют с утра до вечера на всех углах. Это: тренированность, обязательность репетиционного труда, прочная оборона, ее связанность, как мехов гармошки, с атакой, воспитание твердого, командного, одного на всех, характера. Обо всем этом можно было бы и не распространяться столь усердно: в любое человеческое занятие входят требования, подразумевающие необходимую квалификацию.

Обсуждать следовало бы то, что относится к высшей квалификации. Применительно к футболу это поиск игры оригинальной, с тактическими сюрпризами, поощрение редких, тонких приемов, развитие самолюбия у игроков, вызывающего потребность постигать тайны высокого футбольного класса, знать себе цену, ставить на победу в любом случае. При таком тренерском направлении и появляются на свет команды не просто приличные и грамотные, а со своим лицом, новаторские, которые остаются в памяти надолго, обогащая наши представления о богатстве возможностей футбола. Такая команда всегда крупное тренерское достижение, которое не должно оставаться безымянным. Нет, вовсе не произволен наш перечень «классиков»: за каждым из них числятся подобные успехи.

Форварды — люди особого склада. В футболе гол обычно редок, как жемчужина. Редки и форварды, те, кто забивает регулярно, считая это своим предназначением. Перед ними, постоянно находящимися в атаке, в передовой цепи, футбол предстает во всей своей тонкой, рискованной, пленительной сложности. Все подготовлено маленьким дружным оркестром. Когда же настает черед заключительного удара, вступает солист, форвард, он один, хоть на миг, но один. И тут появляется все, что есть в футболе, от технических уроков до душевной сути.

Хороший тренер дорожит смелыми форвардами, он с ними заодно, их искусство гарантирует ему осуществление замыслов, с ними только и могут сбыться его мечты о прекрасной команде.

ВОКЗАЛ ПРИ РЕСТОРАНЕ

Что нужно пассажиру: нерасторопный ресторан или быстрый, удобный, предлагающий широкий выбор блюд буфет! — спрашивал автор полемических заметок «Вокзал при ресторане» («Огонек» № 11, 1984). Читатели продолжили тему...

Вокзальный общепит должен работать как железная дорога — круглые сутки. Так и было раньше... А сейчас вокзальные рестораны — самые обычные общепитовские «точки», словно не имеющие никакого отношения к железной дороге. Почему? Это наблюдение, так сказать, «вообще». Если же говорить о кофе, надо сказать, что напиток под названием «кофе с молоком» повсеместно вытеснил чай и хороший кофе... А вкус общепитовского кофе очень плохой...

С. ЗАКРЕВСКАЯ

Москва.

Действительно: чем больше город, тем массивнее рестораны при вокзалах. Не рестораны — крепости, куда и попасть-то трудно; особо если дорожный бюджет рассчитан на нормальную еду. Хотя пища в принципе та же, что в заурядной столовой. Иногда от нее даже аппетит пропадает. Вот и мыкается горемыка-пассажир возле единственного буфета. Кому из нас не приходилось видеть буфетные «дорожные пакеты» с вареным яйцом, с куском сала, хлеба и сыра, который или вывезен из далеких краев, или выслан оттуда — так он успел засохнуть.

Кофе в буфетах? Не знаю, бывают ли сливки черными, но, судя по виду жидкости, называемой «кофе со сливками», бывают... А коржики, которыми, кажется, гвозди забивать можно...

Но ведь можно и иначе!

Вы упомянули о столовой самообслуживания эстонского городка Тапа. Я живу в этом городе уже несколько лет, мне часто приходится бывать в командировках, и, поверьте, возвращаюсь на свою станцию, словно в дом родной: чистота, уют, горячие блюда, десерт. Все свежо и вкусно. Вот куда надо бы приехать вокзальным общепитовцам опыт перенять. Столовая на станции Тапа работает с утра до поздней ночи. Есть и буфет, где можно купить разную еду, есть отдельчик, здесь продают соки и мороженое. А улыбки работников этой столовой, а доброжелательное «спасибо-пожалуйста!»...

Приезжайте, вас встретит не мрачный швейцар, а доброжелательные люди, которые умеют и накормить и создать хорошее настроение.

В. БЕЛОШИСТОВ

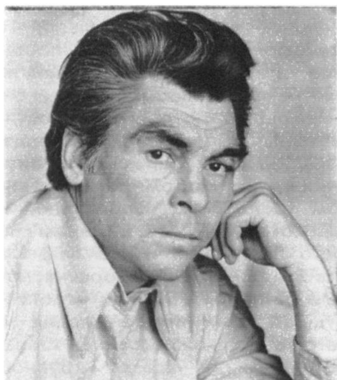
Тапа Эстонской ССР.

Отклики на полемические заметки «Вокзал при ресторане» продолжают идти. Позицию журнала активно и аргументированно поддерживают Я. Чибисов из Барнаула, Р. Ахатов, проживающий в поселке Кукмор, Г. Максимов (Ворошиловград), Д. Бондаренко из Новокубанска Краснодарского края, В. Чурсин с хутора Песчанка Волгоградской области и другие читатели. Но нет среди полученных редакцией писем ответа из Министерства торговли СССР, нет мнения, которое хотелось бы услышать от Министерства путей сообщения СССР, молчит и Госторгинспекция РСФСР, к которой автор заметок обращался с просьбой поинтересоваться порядками (и беспорядками!) в вокзальных ресторанах и буфетах. Так что разговор не завершен...

Ополченье

ПОЭМА

Сергей ПОЛИКАРПОВ

— Кто ты родом?
— Ополченье.
— Что ты сутью?
— Одоленье
Родину постигших бед.
— Возраст твой?
— Мне тыщи лет!..

●

Переменчив мир, как ветер,
Чад нашествий застит взгляд,
По раскопам всех столетий
Блики зыбкие сквозят.
Даже там, где полог неба
В свежей гари от боев,
Быль истачивает в небыль
Обложной болиголов —
Разбитное пустоселье
Та забвения трава,
Что страшней любого зелья
Для живого существа,
Для природы человечьей,
Для судьбы земли самой...
Расступись-ка, прах беспечный,
Тут исток и стрежень мой!

Вязьма, Вязьма,
Вязьма, Вязьма!..
Броневые клинья вязли
В окруженческом оплоте
Из штыков и ярой плоти,
В ополченческой крови —
Успевай полки нови!
На знаменах всех дивизий,
Сжатых шквалом огневым,
Долга суть была девизом:
«До последнего стоим!»
О немеркнущих и жутких
Тех боях
С высот седин
После вспомнит маршал Жуков —
Родины великий сын,
Скажет маршал с острой грустью
О погибших там бойцах,
Что они молвой стоустой
Жить останутся в веках.
Над покоем братским вечным
В стороне от большаков,
Средь мерцанья хвойных свечек
Я услышал звук шагов
И слова:
«...досталась доля:
Не многие вернулись с поля...»
Оглянулся поневоле:
Кто щемящим сим созвучьем
Память сердца бередит?
Над могилою поручик,
Ссыльный Лермонтов стоит.
Рядом граф яснополянский
В домотканине простой,
Саваоф с лицом крестьянским,
Правдоборец Лев Толстой.
А поодаль,
Убеленный
Патриаршей сединой,
Златоуст монах Сафоний —
Свят баян страды Донской.
Был и он служивым смладу,
Вся «Задонщина» его
И по складу
И по ладу —
Боевое бытие...

●

Высокое Бородино —
Отечественных двух могилы!..
Мне кажется, всегда оно
Моею родиною было,
Той малой, где предрешено
Познать впервые скорбь
и гордость...
Бородино!
Бородино —
Родной земли святая горстка.
Тебя здесь, смертная заря,
Испили оголенным нервом
Багратиона егеря
И ополченцы в сорок первом...
Всегда нам кажется, что там,
Где сам страдал и еле выжил,
И был тот ад по всем статьям,
О коем вычитал из книжек...
Смотрел седой комдив Орлов —
Соратник Фрунзе по гражданской,
На разновозрастных бойцов,
На строй корявый новобранский,
Где с одногодками его
Юнцы плечом к плечу стояли
В святом неведенье того,
Какие беды предстояли!
Знал он, Орлов, хлебнувший бед
Еще тогда, у Перекопа,
Что красным не простит побед
Самодовольная Европа,
Что будет взращивать она
Нам на острастку пса цепного...

Встряхнуло день
Взрывное слово
И навзничь кинуло —
В о й н а!..

Я вспоминаю пору ту:
Душеворотный дух воронок,
Плач бабий, слышный за версту
Из-под обвала похоронок,
Села обугленный скелет
Обочь дороги, в чистом поле,
Себя, глядевшего на свет
Глазами беженской юдоли.
Бойцов встречь беженцев реки,
Свинцовой поземи навстречу.
Остры и жестки, как штыки,
Над горевым проселком речи...
— Вниманье!.. Воздух!..
С высоты
Свинцовый ливень стриг
колонну —
Живое тело в три версты...
— Рассредоточить батальоны!..
Укрывшись с горсткою бойцов
В дымившейся еще воронке,
Стрелял по «мессеру» Орлов
Из подвернувшейся винтовки...
Шел класс на класс тогда, как вал,
И сколько в схватках небывалых
Среди России — кто считал! —
Звезд навек закатилось алых!..
Но от красногвардейских рот,
От трудового ополченья
Вся наша армия ведет
Свой род и летоисчисленье.

●

Как к дому родному, прибило
Путь памяти к сороковым,
Где я в ополчении тыла
Бойцом состоял рядовым.
Где вдоволь по жниву поползал
На огненной жатве войны,
Кормясь соответственно пользе,
Что я приносил для страны...
Разрушенных весей руины,
В тротиловой гари поля...
Опять тебе, край мой былинный,
Все ладить почти что с нуля:
Жизнь на ноги ставить упрямо,
Врачуя, как фронтовика,
Который в бесчисленных шрамах
Шагал от звонка до звонка
По гиблым солдатским проселкам
И боли которого жгли,
Как острые в сердце осколки,—
Кровавые раны земли!

С двадцатых еще, разоренных,
Саднит с перетруда спина:
Земля, заскорузшая в войнах,
Ждет лемеха, как целина.
С тех не перевел еще духа —
Другая беда у ворот:
Опять на разор, на разруху
Тебе ополчаться, народ!..
Второе за век лихолетье!
След в след налетевшее зло
Напасти любого столетья
По яри поруху превзошло.
Реестр неоплатный:
Две тыщи
Сметенных во прах городов,
Тлен аспидный на пепелищах,
Мятущийся в гривах ветров
Над долом, где села стояли,
Где жил хлебороб испокон:
С землею те села сровняли,
А их, горевых, миллион!
Нашествия полымя в грады,
Разбои — поверх головы!..
Земля моя,
В жесткой осаде
Вокруг ты сплотилась Москвы.
Внимая высокому зову
Души в огнепальности дней,
На жертвы любые готова
Во имя свободы своей.
Изведавши смертные беды,
Снося их напор круговой,
Ты все отдаешь для победы
Над злом — над войною самой!
Недаром в сем мире
Ты — кормчий
Встающих сражаться за мир...
...Глас правды —
Громовьего громче:
Труд мирный — наш вечный
кумир!..

Впрок, видно,
Лишь собственный опыт,—
Чужой — ни душе, ни уму:
След стычек усобных Европу,
Знать, не научил ничему.
Война — что игра! —
Опьянены
Победных курильниц дымком,
То карлы, то наполеоны
Ломились в наш край прямиком.
Ни зависти нет в нас, ни злобы
К соседям до нынешних дней,
А к нам-то с мечом —
Р у с о ф о б ы,—
Те, кто нас не чтет за людей,
Те, кто нас под корень выводит
Нещадно, будь млад ты иль стар,—
Припомним недавние годы,
Фашизма кровавый кошмар!..
В отечестве нашем от дедов
Не слышали сроду юнцы:
Война, мол, добытное дело,
Награбил — и в воду концы!..
По долгу защитника — воин,
А не тугой кошелек,
Наш ратник за прибыль спокоен,
Она ему сбудется в срок:
Солдату — увечья и раны
Иль смерть, что красна на миру,
Отчизне — покой долгожданный,
Зовущий к труду поутру.

●

В чистом поле, средь России
В порубежии степном
Сила вышла против силы
Занимающимся днем.
Князь Димитрий с войском вышел,
Путь Мамаю преградил...
Глас Москвы душой услышал
Каждый русич, где б ни жил.
Дольше века мысль в нем зрела,
Всем по вкусу вышел плод!
Русь спасать—всех весей дело!—
Поросль ратная поспела,
Щит народа — сам народ!..

Решено великим князем,
Чтобы дух поднять в бойцах,
С ними в первых стать рядах
И напор орды увязить
В ополченческих полках.
Он в их стойкость сердцем
верил —
Ополченцы злы в бою! —
И свою им жизнь доверил,
Как они ему свою...
Схлест был долгим и упорным,
Сталось памятью о нем,
Что народ, единый корнем,
В рост пошел, един стволом!..

— Кто ты родом?
— Ополченье.
— Суть твоя?
— Обороненье
От врагов родной земли.
— Твой исток?
— В седой дали...
Где тот день,

Фрагменты из поэмы.

Б. Тарелкин. Род. 1939. ТОВАРИЩИ. 1983.

В. Дмитриевский. Род. 1923. ДЕНЬ ПОБЕДЫ. 1982.

Полкам народным
Ставший вечным родником?
Может, он над речкой Сходней
Иль на озере Чудском,
Чьи раскачливые воды
На былинный лад поют,
Как побил тевтонцев гордых
Александр, князь Невский, тут,
Люд новогородский вольный
Против воров ополчив?..
Может, день тот брезжит в волнах
Приднепровских житных нив?..
Вехи памяти — основа
Для грядущего пути.
Запрессованная в слово,
Память, день мой освети!..
...Посреди сторонки отчей
Из веков, из года в год
Речка тихая Колоча
Рядом с Огником течет,
Невдали струится Войня,
Стонет в заплотах Стенец...
В кои веки?
Что за войны?
Мук каких людских венец
Дал названье этим рекам
В долах под Бородино?..
Лихо льстилось к человекам,
По всему видать, давно!
Как умели, отлучали,
Бедам ставили заслон...
И в тревоге и в печали
Воззирал Наполеон
На лежащие вповалку
На свои в крови полки
У редутов, возле балки,
По-над берегом реки...
Бородинское сраженье,
Где — он верил! —
Слава ждет,
Предвещало пораженье —
Треть отборных войск в расход!..
Дали памяти, что строки
Книги мудрости для всех,
И великим их уроки
Перечитывать не грех.
По следам Наполеона,
С нашей сбитого земли,
Войск российских батальоны
Через всю Европу шли.
— Кто ты родом?
— Ополченье.
— Что несешь?
— Освобожденье
Всем, кого мытарит гнет.
— Как зовут тебя?
— Народ!..
Речки Стенец, Огник, Войня
Не свидетели ль тому,
Что навязывали войны
Нам, ввергая жизнь во тьму?
Вновь мы на ноги вставали,
Засучали рукава...
Близи памяти и дали —
Вы судьбы моей канва!

Сиротство, голод, гибель близких...
Но где вы, славы обелиски,
В честь тех, кто без вести пропал,
Свой долг солдатский выполняя,
Гражданской чести не роняя,
Кого печей развеял пал,
Кто канул в вязьминских лесах
Или под Ельней в окруженье?..
В тех грозных днях, в твоих рядах
Твой путь верстаю, ополченье,
Груз фронтовых неся забот:
Хожу в атаки с земляками,
Таюсь в дозорах:
— Кто идет?
Пароль?
— Пароль: «Москва за нами!..»
Живу как все, кто жив пока:
Не хорохорюсь и не трушу,
Добыв щепотку табака,
Затяжкой согреваю душу.
Дубеет, как шинель, она,
Впитавши кровь пережитого...

Вовне,
Во мне звучит —
В о й н а! —
Вся жизнь
В одно вместилась слово!..

По громовым, сороковым
За памятью шагаю следом,
По фронтовым и тыловым
До самой до родной Победы!
И дальше, через все года
Затянутых ремней и гаек,
Среди ударников труда,
Мазутом пахнущих фуфаек.
Я в их толпе,
Но не узнать
Себя — прошли такие годы! —
Не роба изменилась — стать
У победившего народа.

...С гражданской командарм,
Орлов!
Ты был в почете у бойцов,
Поскольку наравне хлебал
Ты с ними кашу пулевую —
Кровавой было — наповал! —
Куда как реже — крупяную...
Народных ратников комдив —
Солдат войны уже четвертой
За век свой,
А поди ж ты — жив!
Калач, недаром молвят, тертый...
Чтоб вывести своих бойцов
К своим и без потерь и с честью,—
Все верили: комдив Орлов
На самом на законном месте!
И понимали, что теперь,
Прорвавшись из кольца с боями:
Каких ни стоило б потерь,
А насмерть стой!
Москва за нами!..
Да, сколько их,
Однополчан
Комдив в строю недосчитался:
Кто пал, а кто у партизан,
Связь с частью потеряв, остался.
Народных мстителей отряд
Он как-то встретил в окруженье.
Спросил их, встрече этой рад:
— Вы кто такие?
— Ополченье.
Вот вышли партизанить здесь,
В тылу давать врагу сраженье,
Людей уж поднялось—не счесть!..
Народа доблесть — ополченье!..
Чем дольше думы, тем грустней:
У командира ополченцев
На фронте трое сыновей
И дочь...
И защемило сердце:
«Где все?
Что с ними в этот час?
Как преградили злу дорогу?
Орловы — вроде б горстка нас,
Но в грозный час и мы подмога!»

●

Войн жаркие пекла
В холодной
Войне вызревали всегда...
На карту поставлен сегодня
Весь смысл векового труда
Всего человечьего рода,
А с ним — и Природы самой
Тельцу золотому в угоду,
Дельцу с ненасытной сумой.
Умы расщепляет отрава:
Мир в радость-де избранным дан,—
Любовью к богатству и славе
Банкир развращает мещан.
И совесть — обузу в походе,—
В хлам кинув, шагают они
Соседние грабить народы,
С усердьем тупой солдатни.
Я помню, подобное было
Не раз на веку на моем.
Забыть ли, как землю палило
Освенцимским черным огнем?
Забыть ли то, как Хиросимы
С небес опускается прах?..
Грядущее сами творим мы,
Грядущее —
В нынешних днях!
Оружья накоплены горы,
На душу по глыбе взрывной!..
На рощи, поля и озера
Пусть рушится свет проливной
С восшедшего на небо полдня,
С его золотого венца,—
И завтра и впредь,
Как сегодня,
Пусть жизни не будет конца!

«Огонек» на БАМе

ДОРОГА К СОЛНЦУ

Владимир КУЗНЕЦОВ
Фото автора

Накануне нынешнего праздника Победы над фашистской Германией воины-железнодорожники замкнули второе дальневосточное кольцо Транссибирской магистрали и БАМа. На разъезде имени Героя Советского Союза В. Мирошниченко уложено последнее рельсовое — золотое звено основного пути на Восточном участке.

ЗВЕНЬЯ ПАМЯТИ.— Память — наша способность сохранять то, что нам свято и дорого, что навечно вписано в нашу историю. Подвиг сержанта железнодорожных войск В. П. Мирошниченко, который ценою жизни выполнил приказ, является образцом служения Родине. И в самом факте стыковки на восточном участке свой особый смысл, суть которого в том, что золотым звеном как бы увязываются воедино дела строителей БАМа с героическими поступками фронтовиков.

...Осень сорок первого. Гитлеровцы рвались к Москве. Четвертого октября танковые колонны подошли к реке Снопоть. Железнодорожный мост был заминирован. Враг уже ступил на мост, а взрыва нет: осколком перебило провод, ведущий к взрывчатке. Сержант Мирошниченко бросился к мосту. Истекая кровью, он добрался до заряда и поджег обрывок бикфордова шнура.

Виктор Петрович Мирошниченко... Он мог бы стать отцом солдата — строителя магистрали. Он стал совестью «железных солдат».

«Железные солдаты» — так называют воинов с эмблемами железнодорожных войск в петлицах. Они десантом высадились на восточном плацдарме будущей Байкало-Амурской магистрали еще осенью семьдесят четвертого. Вместе с первым снегом вошли в тайгу первые подразделения.

Наблюдая за укладкой последнего звена, я мысленно раскручивал в обратном порядке видеозапись минувших событий, мысленно возвращался туда, где кипели трудовые будни подразделения.

НОЧЬ У БЕЗЫМЯННОГО МОСТА.— Своеобразна служба в железнодорожных войсках. Командирам частей приходится не только воспитывать солдат, обучать их воинскому мастерству, но и заниматься производственными делами, решать инженерные вопросы. БАМ — это скальные прижимы, глубокие выемки, зыбкие мари, ручьи, речушки, реки. На каждый километр тут в среднем приходится по два-три моста.

Та апрельская ночь была не по-весеннему холодной. Мост, на котором мы ждали укладчик, принадлежит 510-му километру. Мост не велик и не мал, пятьдесят метров в длину, десять в высоту. Три пролета на двух опорах. Нет под ним ни ручейка, ни речки. Оттого и безымянный. Чем же привлек внимание тот мосток? Специалистов поразило время года и сроки строительства, за которые воины старшего лейтенанта Васильева вывели монолитные опоры моста. Удивлялись дерзости инженерных решений командира и упорству подчиненных.

Состав со сцепами подошел в голову укладки ровно в двадцать три часа. И сразу оживился дремавший укладчик. Его прожектора раздвинули темноту, высветили отметки оси будущей дороги. Засуетилась ночь у безымянного моста. Застропленное Федором Иванниковым, из черного чрева укладчика выползло звено шпальной решетки. На минутку зависло в вытянутом хоботе и — по команде — улеглось на мягкую землю свежей насыпи. Серия четких команд, разбросанный по ночи звон «гитары» (специального приспособления, ударами которого в торец рельса выравнивается звено), и рядовые Александр Землянский и Сергей Скроцкий соединили новое звено с уже существующей дорогой. БАМ стал длиннее ровно на двадцать пять метров. Машинист укладчика Борис Вагин уверенно двинул агрегат по новым рельсам. Тридцать шагов — и остановка, и все повторяется... К четырем утра вытянули дорогу на километр. Машинист тепловоза сержант Сергей Тимошенко увел состав за новыми звеньями. Команда укладочного комплекса собралась у костра. Усталые лица вчерашних мальчишек, «железных солдат» БАМа...

СОВЕЩАНИЕ В КАРЬЕРЕ. — Генерал Юдин встретил укладку на подступах к станции Тунгала. Быстрым взглядом окинул насыпь, оценил проделанную за ночь работу. Поздоровался с командой укладчика, о чем-то поговорил с командиром, и через пять минут его машина уже поднимала пыль со спящей дороги... С Юрием Михайловичем Юдиным я знаком давно. Каждый раз любуюсь его работой. Сколько же в нем энергии, воли, любви к тем, с кем делает работу! Сын путевого рабочего стал генералом. И вот продолжает железнодорожное дело отца и двух дедов. Всегда там, где трудно. Как-то я спросил: «Обязательно ли присутствие начальника в голове укладки?» В подразделениях знающие офицеры, построившие не один километр дорог...

— Живу по принципу — лучше один раз увидеть,—ответил Юрий Михайлович.

По этому же принципу назначил совещание не в походном кабинете, а в карьере. Выемка 493 километра. Последняя преграда перед разъездом имени В. Мирошниченко. Крепкий орешек. Ошибка проектировщиков в определении категории породы потребовала дополнительных затрат. Чтобы пропустить по выемке дорогу, необходимо выбрать почти двести тысяч кубометров тяжелых скальных грунтов.

Выслушав доклады офицеров и бригадиров экскаваторных комплексов, оценив обстановку, Юдин

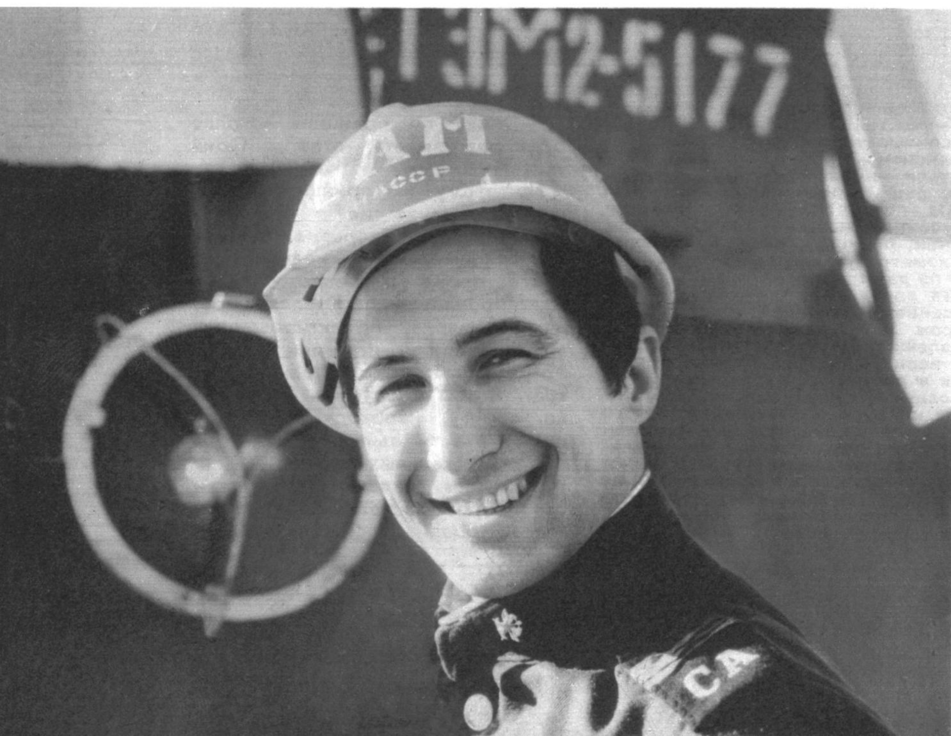

Ветеран армии — ветеран стройки, майор А. Е. Кондратьев.

Последняя преграда.

Машинист тепловоза сержант Виктор Линов.

распорядился: в целях экономии времени взрывы по выемке готовить и производить одновременно. Всю технику объединить, оперативно маневрировать ею. Совещание длилось семнадцать минут.

РАЗГОВОР НА ДОРОГЕ.— Мы шли по шпалам. Говорили о досрочной стыковке. Впереди загорался горизонт. Оранжевый диск покатился по рельсам.

— Смотрите, дорога-то наша от солнца идет! — подтолкнув меня, воскликнул Юрий Михайлович. Он сразу помолодел. И впрямь солнце, только что начавшее рабочий день, уложило по самой земле лучи, превратив их в стальные нити.

— Морозы не раз ставили в затруднения,— вернулся к разговору Юдин.— Вообще зимние месяцы на БАМе считались малоэффективными. Обычно зимой уходили на «зимние квартиры». Нелегко было ломать привычки. Когда брали обязательства по досрочной стыковке восточного участка, решили эксплуатировать круглый год и механизм звеносборки. В Февральске на звеносборочной базе построили утеплители. Создали условия для людей и механизмов. Это дало нам возможность при строительстве главного пути одновременно развивать и станционные, отводить стрелки разъездов. В теплое время года провели активную заготовку балласта, а сейчас используем его без помех и задержек. Стыковка — на полтора года раньше намеченного срока! Она даст возможность подготовиться к открытию сквозного движения.

— Как же удается достигать таких показателей при вашей законной текучести кадров? У вас каждый год демобилизуются опытные солдаты и приходят новобранцы. Как тут сохранить ритм в работе?

— Да, дело обстоит именно так. Уходят классные специалисты, получающие за два года службы навыки. А секрет наш в том, что мы не просто строители, мы воины. Увольняясь в запас, специалист обязан подготовить достойную замену. Солдаты, уезжая домой, оставляют здесь не только километры дороги, но и учеников...

Немалую роль в воспитании молодежи играют вольнонаемные специалисты. Как правило, это люди с высокой профессиональной подготовкой. Они по-отечески относятся к солдатам. Один из таких наставников — Александр Емельянович Кондратьев. Человек ответственный, порядочный, его энергии могут позавидовать молодые. Кондратьеву исполнилось шестьдесят восемь. Но дед Кондрат, как любовно величают Александра Емельяновича солдаты, еще в силе.

ДЕД КОНДРАТ.— Пожилой майор — милый, отзывчивый и добрый человек. При знакомстве почувствовал мое недоумение: «Майором суждено мне вечно быть!» Светлоглазое русское лицо заметно тронули морщины. Редкие седые волосы выглядывают из-под черного околыша форменной фуражки.

Отвоевав, майор Кондратьев служил комбатом до шестидесятых годов, пока не пришел приказ об увольнении в запас. Потом инженер Кондратьев работал в Днепропетровске. Потом с почетом ушел на пенсию. Но не получилось из него пенсионера. Узнав, что железнодорожные войска взялись за строительство БАМа, написал письмо на стройку. Получил ответ, что не для его лет сибирские условия. Дал телеграмму: «Вас понял, вылетаю».

Так появился в списках служащих одного из бамовских подразделений отставной майор А. Е. Кондратьев. Он получил разрешение министра носить форму и надел мундир с погонами.

На празднике золотого звена я снова встретил Александра Емельяновича, увидел его счастливое лицо. Тогда подумалось: богат недрами этот край, но люди богаче. У них есть дорога, идущая от солнца. И к солнцу.

ИСКУССТВО СБЛИЖАЕТ НАРОДЫ

Проведение Дней польской культуры в Советском Союзе, посвященных 40-летию образования ПНР, совпало со знаменательной датой: 21 апреля исполнилась 39-я годовщина подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. Подписанный в апреле 1945 года и продленный в 1965 году, договор охватывает все сферы общественных, экономических, научно-технических и культурных отношений. Нынешний праздник наглядно подтверждает нерушимость советско-польской дружбы.

Тепло, по-братски были встречены у нас известные польские литераторы и артисты, режиссеры и драматурги, художники и музыканты. В крупнейших залах Москвы прошли восемь художественных выставок. Наиболее представительная экспозиция в Манеже — «Искусство народной Польши». В нее вошло свыше двух тысяч экспонатов, созданных художниками послевоенного сорокалетия. Польские художественные кинофильмы отразили главные направления творчества кинематографистов на протяжении послевоенных лет. В концертном зале Останкинского телецентра состоялась запись программы с участием ведущих эстрадных исполнителей Польской Народной Республики.

Известный писатель Войцех Жукровский, председатель Всепольского совета Общества польско-советской дружбы, с которым мы встретились перед симпозиумом в Союзе писателей СССР, подчеркнул:

— Реакционные силы на Западе муссируют тезис об «упадке культуры», безуспешно пытаются убедить людей, в первую очередь молодых, в том, что она способна развиваться лишь по буржуазным клише. Ничего общего с реальностью заявления такого рода не имеют! Если говорить о литературе, то творческий союз писателей, воссозданный недавно на новых принципах и основах, имеет достаточно способных мастеров, преданных идее социализма. Многие наши произведения — дань памяти погибшим на полях сражений второй мировой войны, а для молодого поколения они являются связующей нитью истории.

Девиз Общества польско-советской дружбы: «Социализм и польско-советский союз — гарантия развития и безопасности Польской Народной Республики». Наша опора на местах — активисты из числа рабочих и крестьян, работников культуры и научно-технической интеллигенции, учащихся и студентов. Из месяца в месяц растет их число. Свыше пяти миллионов человек сейчас в его рядах. Вернувшись в Польшу, мы расскажем о радостных встречах на советской земле в эти апрельские дни!

Смотр достижений польской культуры прошел во всех союзных республиках нашей страны, он послужит благородному делу упрочения братства народов Советского Союза и Польской Народной Республики.

Во время встречи польских кинодеятелей со своими армянскими коллегами. Слева направо — народный артист СССР Генрих Малян, артист Станислав Микульский и режиссер Мячеслав Вашковский.

Телефото Г. Багдасаряна (ТАСС)

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Больше они не встречались. Может, еще и потому, что на следующий день с Поляковым стряслась большая неприятность. Вечером он прогуливался перед сном по тихой и безлюдной узкой улочке, в стороне от шумного центра. Вдруг из боковой улицы на большой скорости вылетела машина и, сделав резкий поворот, чиркнула задним крылом по стене, да так близко от Полякова, что осколки кирпича засыпали лицо. Выручила реакция бывшего разведчика: он мгновенно отклонился назад, упал на асфальт и откатился в сторону. Если бы машину не занесло, она вдавила бы Полякова в стену, а так он чудом остался в живых, отделавшись легкой раной.

Позже, в больнице, когда полицейский расспрашивал русского профессора о деталях «досадного происшествия», смутно припомнилось, что красный «опель» в тот злополучный день два-три раза промелькнул у него перед глазами.

— Не смею утверждать, но мне показалось, что когда я вечером, по обыкновению, вышел на прогулку, красный «опель» стоял у гостиницы.

Полицейский досадливо поморщился, извинился и распрощался, заверив, что будут приняты все меры для розыска странной машины, за рулем которой, по-видимому, сидел пьяный.

...Сейчас Поляков с содроганием вспоминал эту «странную машину» и недавний разговор с Аннет. Это было в день ее отъезда: туристская группа отправлялась в поездку по стране, впереди Ленинград, Прибалтика, Киев, Одесса.

— Тебя ждет приятное путешествие. А ты почему-то такая грустная.

Поляков почувствовал это. Хотя на лице француженки блуждало подобие улыбки, всем своим видом она как бы говорила: «Ох, как мне невесело, Мишель!»

— Грустная? Пожалуй...

В тот час Аннет впервые призналась: «Мне так хотелось бы видеть тебя и завтра, и послезавтра, и через неделю, месяц, год...» Тогда они и условились, что через несколько месяцев она снова приедет. И, возможно, надолго. «Ты не возражаешь, Мишель?»

Он промолчал. Опустив голову, Аннет негромко сказала:

— Я не жду ответа. Но ты должен знать, если Аннет чего-то хочет добиться, она добьется. И встречи с тем, кто ей дорог, и уничтожения человека, которого она ненавидит.

Поляков молча благодарно обнял ее, поцеловал и тут же заговорил:

— О человеке, которого ненавидишь, перестань думать. Я прошу тебя. Я требую. Наконец, запрещаю по праву друга. Послушай, я ведь еще не все поведал, когда говорил, что случай свел меня с тем самым испанцем, будь он трижды проклят.

И подробно рассказал ей все. Во всех деталях. Включая красный «опель». Она была потрясена.

— Мишель, дорогой Мишель! Какое чудо спасло тебя? Боже милостивый! — И Аннет судорожно сжала его руку.— А машину так и не нашли?

— Глупенькая, наивная моя Аннет! Неужели ты не догадываешься, что розыски «странной машины» и не могли увенчаться успехом?

— И ты ничего не сказал полицейскому о Кастильо, о твоих подозрениях?

— Нет, ничего. Ни о подозрениях, ни об угрозе. В канун отъезда на улице ко мне подбежал мальчишка, сунул конверт, буркнул: «Это вам» — и скрылся. Там была напечатанная на машинке записка без подписи: «Забудьте навсегда о существовании Кастильо и о вашей ночной встрече с ним в отряде маки. Автомобили заносит на тротуар не только в этом городе... Запомните». Я ничего не рассказал полицейскому. К чему? Чтобы услышать сказанные с ухмылкой слова: «Господин Поляков, это нелепые подозрения»? Я не так уж наивен и о жизни на Западе кое-что знаю. Потому и говорю: «Не испытывай судьбу, помни о красном «опеле», о конторе на юге Франции. Угомонись. Ни к чему они, твои поиски».

Аннет снисходительно улыбалась, как добрая мама своему несмышленышу.

— Вот что сделали с тобой годы, Мишель. Ты стал чуть-чуть трусишкой.

— Неправда. Я просто реалистически оцениваю силы противника, законы твоего «свободного мира» и «свободу личности» в нем. Мне известно, что в Западной Германии кое-кто замышляет соорудить в Дахау памятник бывшему обер-штурмбанфюреру СС Пайнеру. Тебе, как и мне, это имя должно многое напомнить. Памятник Пайнеру! Какое кощунство! А что поделаешь? Ты не обижайся, но ведь твой «свободный мир» страшен. Чему улыбаешься?

— Вспомнила наш отряд... Ты говорил, что вынужден дать маки несколько уроков политграмоты. А они не хотели слушать тебя и предлагали распить еще бутылку вина за будущую победу. Теперь ты хочешь преподать эти уроки мне. Да?

— Возможно. Но сейчас речь идет об одном важном уроке жизни... Пойми это! Забудь, что еще жив тот, чьи руки обагрены кровью твоей матери, твоего Жюльена, твоих боевых друзей. Забудь! Умоляю... Еще раз говорю — не испытывай судьбу.

Аннет пристально посмотрела на взволнованного до боли Полякова и сказала тихо, как говорит ученица учителю:

— Хорошо, Мишель. Я больше не буду, но...

— Никаких «но»... И вообще я не хочу больше говорить о подонках. Все! Хватит! Для нас с тобой Кастильо, и отец и сын, не существуют.

Мог ли Мишель подумать тогда, что пройдет несколько дней и он лицом к лицу столкнется с Мигуэлем Кастильо в Подмосковье?

А режущая боль в сердце не оставляла. Кругом темнота, неясные шорохи. Только прямоугольники света из окон ковровской дачи причудливо золотили траву. От реки неровно тянуло холодком. До своей дачи Поляков добрался с трудом.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

Сквозь густую завесу тумана по Ярославскому шоссе на предельно допустимой скорости мчалась машина. Шофер знал: если Бутов сказал «Надо быть на месте как можно быстрее»,— значит, действительно надо. Бутов зря гнать не будет. События требуют...

...Поздно вечером, когда полковник уже собирался уходить, позвонил помощник Клементьева: «Генерал просит заглянуть к нему». Виктор Павлович предупредил домашних, что немного задержится. Он и не предполагал, что задержится не на час, не на два, а на целые сутки...

Клементьев сидел за столом насупившись, хмурый. У него был неповторимый жест: когда генерал чем-то озабочен, встревожен, он пальцами левой руки энергично подпирал голову.

— Садитесь, Бутов, и записывайте. Впрочем, тут все сказано... Вот, почитайте... Сообщение милиции. Фигурирующий в деле Кастильо профессор Поляков скоропостижно скончался. О его смерти в милицию сообщили соседи, Ковровы... Вчера вы докладывали, что Кастильо был у них в гостях. Там же оказался и Поляков. Время смерти не установлено. Тело обнаружили три часа назад. Сидел за письменным столом, а на столе письмо в КГБ. Я просил милицию ничего не предпринимать до приезда наших товарищей. Вызвал судебных экспертов. Получил от прокурора разрешение на обыск. Если потребуется, конечно.

Бутов прибыл на место события с двумя своими сотрудниками.

Почти все, что он узнал из бесед с Ковровыми, читателям уже известно. Охи и ахи ошеломленных супругов Ковровых существенного отношения к делу не имеют. Они легко догадались, чем вызван интерес КГБ к личности господина Кастильо.

— Вам не показался несколько скоропалительным отъезд Кастильо?

— Пожалуй, да. Поначалу шло к тому, что застолье затянется допоздна.

— А чем, по-вашему, можно объяснить такую поспешность?

— Право, затрудняюсь ответить...

— И никаких догадок?

— Мне показалось, что после встречи с Поляковым испанец стал каким-то нервозным.

— Он уехал сразу? Как только вышел на улицу?

— Да. Мы проводили его до машины и условились, что он будет звонить.

Бутов попросил рассказать все, что известно им о Полякове. Рассказ был взволнованный, долгий, но мало чем дополнял то, что знал о профессоре Бутов.

...Письмо профессора Полякова в КГБ длинное и сумбурное. Последние две страницы и вовсе трудно разобрать. «Пишу это письмо в состоянии тяжком, при мучительных болях в сердце, но не могу отойти от стола, не закончив своей исповеди. Может, это окажется действеннее валидола и горчичников...»

Первые страницы Бутов просмотрел бегло — война, плен, каторжная работа на шахте в Лотарингии, побег, отряд маки, провокатор Кастильо, Аннет Бриссо, признание в любви. Прощание с отрядом, с Аннет. Возвращение.

...Все, кроме интимных лирических отступлений, Бутову уже известно. А дальше пошло такое, что потребовало очень внимательного чтения.

Поляков рассказал о поездке во Францию в составе делегации ветеранов войны, встречах с товарищами по оружию, о Франсуа Лембере, с которым когда-то ходил в разведку. Они весело провели вечер, когда Франсуа приезжал в Москву и был у профессора в гостях. «Мы пели русские и французские песни, вспоминали наши споры на политические темы с социалистом Лембером. И я напомнил, что Ленин тщательно изучал опыт Парижской коммуны и высоко ценил демократические и революционные традиции народа, давшего миру «Марсельезу» и «Интернационал», Жана Жореса и Марселя Кашена. Напомнил, как Поль Вайян-Кутюрье, Анри Барбюс и Ромен Роллан выступали в защиту Республики Советов, как родство наших культур осветили имена Льва Толстого и Бальзака, Тургенева и Гюго... Темпераментный Франсуа бурно аплодировал, в экстазе обнял и расцеловал меня: «Ты был великолепен, Мишель, когда разразился этим спичем! Я готов подписаться под каждым твоим словом».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—18.

Что привело Франсуа в Москву, я толком не понял — то ли обычный вояж со специализированной туристской группой, то ли какие-то коммерческие дела издательства. Я не допытывался. Скажете — непростительное легкомыслие? Возможно. Я и подумать не мог, что мои добрые чувства к Франции, к французскому народу, к французским товарищам по оружию кое-кто попытается использовать гнуснейшим образом.

Только позже, из письма нашего общего знакомого Анри Дюмье я узнал, что Лембер приезжал в качестве корреспондента газетенки правого толка, какой — не помню. И тут я начал мучительно вспоминать все наши достаточно непринужденные беседы. И стало не по себе. Ведь Лембер все сказанное мною о трудностях внедрения результатов научных исследований в производство, об огорчениях ученого, порою отвлекающегося на выполнение функций, не входящих в его прямые обязанности, мог препарировать на вкус своего хозяина. Я мысленно прикидывал, что он мог написать о нас. А потом подумал: не рано ли бью в набат? Что, собственно, произошло? Почему я должен приписывать Франсуа дурные человеческие качества? О своих подозрениях и опасениях я никуда не сообщил. Возможно, был не прав. Но хотелось верить людям. И в Лембере я, кажется, не ошибся. Не знаю, как он поведет себя дальше, но, когда Франсуа приехал к нам во второй раз, я услышал горькую исповедь... Он признался, что не хотел при первой встрече распространяться о своей профессии: «У нас так много пишут о русской супербдительности, что я решил отмолчаться. А сейчас не хочу тебя обманывать, Мишель, ты должен все узнать. Я рассказал шефу о нашей дружеской встрече, и он жестко предупредил меня: «Вы скоро снова поедете в Москву. Готовьтесь. Перед отъездом мы побеседуем с вами кое о чем».

Шеф потребовал от Франсуа любым способом заполучить у меня интервью о «преследовании» интеллектуалов в нашей стране. «Я хорошо знаю тебя,— сказал мне Лембер.— И знаю, что есть у меня только один способ получить такое интервью — наплевать себе в душу, продать свою совесть. Нет, старина, Франсуа на эту подлость не пойдет, хотя знает, что за такое правдолюбие его вышвырнут из газеты. А найти работу сейчас ой как тяжко!»

Я провожал Лембера, поехал с ним в Шереметьево. Он был грустен и еще раз затеял тот трудный разговор. «Ты веришь своему другу, Мишель?» «Верю»,— твердо ответил я. И еще он сказал: «До войны я помогал отцу, продавцу газет. Вероятно, придется вспомнить старое. Из редакции меня уволят».

Вскоре я получил от Анри глубоко огорчившее меня письмо. Франсуа действительно вышвырнули на улицу.

В последнем письме он писал, что вместе с отцом продает газеты, скоро пришлет еще одно письмо, в котором сообщит нечто важное. Но я не получил, не читал...»

На этом исповедь заканчивалась. В подписи «Поляков» буквы рвались вверх, как крик души.

...Занимался хмурый осенний день. В тумане две «Волги», Бутова и Коврова, неспешно пробивались к Москве. Из своей машины Бутов по телефону передал через дежурного генералу Клементьеву заключение экспертизы: смерть Полякова наступила в результате острого сердечного приступа.

«Волги» подъехали к трехэтажному домику старой постройки, затерявшемуся в глубине микрорайона с многоэтажными башнями. Ковров заметил: «Профессору предлагали квартиру в высотном доме на Котельнической набережной. Он отказался. Привык к своей, как он говорил, мансарде». К входной двери вела узкая асфальтовая дорожка, застланная шуршавшим ковром золотистых листьев.

Квартиру им открыла старушка. Узнав о смерти Полякова, она долго по-крестьянски причитала, пока не обрела способность разговаривать. Вопросов ей не задавали, но Бутов счел нужным сказать, кто он, что ему надобно, и попросил, если секретер закрыт, дать ему ключ.

В секретере царил идеальный порядок. Бутов без труда обнаружил стопку писем и, зная французский, стал искать то, которое интере-

совало больше других. Оно лежало отдельно. Красивый надорванный конверт из плотной бумаги с бледно-розовыми полосками по краям. Там, где обычно пишут обратный адрес, четко выведено: «Франсуа Лембер».

Бутов облегченно вздохнул. Ему, контрразведчику, очень хотелось верить предсмертному письму Полякова, помочь мертвому свидетельствовать перед живыми: «Люди, я не лгал вам». Эти мысли приходили сами собой, хотя Виктор Павлович понимал, что чекисту непозволительно отдавать себя во власть эмоций.

Да, письмо Франсуа Лембера подтвердило написанное Поляковым. Да, в нем есть и обещание в следующем письме сообщить нечто очень важное. Но придет ли следующее? И что, с чьих позиций считает он важным?

Бутов оставил старушке свой телефон и предупредил:

— Михаил Петрович ждал важное письмо из Франции. Если получите — немедленно позвоните мне.

О ЧЕМ ПИСАЛ ЛЕМБЕР!

Письмо пришло в тот же день, и старушка оказалась человеком обязательным: позвонила тотчас же по оставленному телефону. Она не знает, это ли или другое письмо ждет незнакомый ей человек, приходивший сюда. Пусть уж сам разбирается. И была безмерно удивлена, когда за письмом буквально через полчаса «прискакал» гонец.

...Такой же конверт. Знакомый почерк, знакомая фамилия отправителя — Франсуа Лембер. Вот только с почтовыми штемпелями неясно что-то. Бутов ищет штемпель того французского города, где письмо было опущено в почтовый ящик. Ищет и не находит. На конверте только московские штемпеля. Ясно: в Советский Союз попало с оказией и брошено в московский почтовый ящик. Вероятно, господин Лембер сообщал о вещах весьма, как он выразился, деликатных и хотел быть уверенным, что там, на Западе, его послание никто не прочтет. Так и оказалось. Писал: «Жду, пока в Москву полетит человек, который передаст тебе мое письмо или бросит в почтовый ящик».

Бутов одобрительно улыбнулся: «Молодец!» Лембер писал, что его вызвали в некое неизвестное ему учреждение без вывески и расспрашивали о поездке в Москву, о Полякове, о встрече с русским профессором. Франсуа отказался отвечать на вопросы человека, который отрекомендовался добрым другом, а держался, как следователь. «Мне показали фотографии,— сообщал Лембер,— на которых я снят вместе с тобой, Мишель. Помнишь, тот веселый вечер, когда мы пели французские и русские песни, фотографировались, обещали писать друг другу и, если удастся, навещать... Не знаю, получится ли теперь?.. Я не мог понять, как эти дорогие мне снимки попали в чужие да еще грязные руки. Я их бережно хранил. Вернувшись домой, бросился листать альбом. Фотографии лежали на месте. И тут вспомнил, что как-то раз ко мне в гости заявился Анри Роже. Он тоже участник Сопротивления и даже имеет какие-то награды. Я рассказывал ему о своей поездке в Москву, о встрече с тобой, показал фотографии. Роже сказал, что пишет книгу о Сопротивлении, о дружбе французов-маки с русскими, чехами, поляками, испанцами. И попросил разрешения переснять фотографии — «это будет чудесная иллюстрация к моей книге». Я дал их на два дня. Позднее в одном доме я случайно услышал разговор об Анри Роже. О нем говорили нелестно, намекали на сомнительные источники доходов, какие-то нечистые связи. Кто-то обронил: его племянник Луи Бидо поехал корреспондентом в Москву. Дядюшка и это использует... Очень ловкий человек. Теперь этот Роже навсегда вычеркнут из списка моих знакомых. Я не мог не отвергнуть домогательства тех, кто хотел купить совесть Лембера. Мне предложили приятную туристскую поездку в Россию с условием выполнить «пустяковые поручения» — это их слова. Я без труда догадался, о чем речь, и решительно отказался. Тогда стали запугивать: «Поговаривают, что вы, господин Лембер, клюнули на посулы русского ученого. Фотографии свидетельствуют против вас. Вас выгнали из газеты. Но это еще не все. Ждите продолжения, строптивый господин Лембер».

Бутов еще раз перечитал исповедь профессора, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Хотелось хоть так, сидя, вздремнуть на несколько минут, отключиться от всех треволнений минувших очень долгих суток. Но не пришлось. Позвонил Сухин.

ТУРИСТ ЗАГОВОРИЛ

Из клубка событий, который довелось распутывать Бутову, кажется, высунулись одна-две ниточки, за которые можно потянуть. Накануне наконец-то перестал играть в молчанку турист Петерсон. Он показал, что антисоветские листовки ему здесь, в Москве, вручил господин Кастильо. О предстоящей встрече с хромоногим, о задании, которое должен выполнить турист, его предупредили еще до начала путешествия. Он побывал в Италии, оттуда направился в Скандинавию, из Стокгольма в Москву. Все было расписано по дням и часам. На случай, если «стыковка» нарушится, предусматривались запасные варианты. Но они не потребовались. В назначенный день и час хромоногий испанец и молодой человек в ярко-зеленом плаще и бежевой кепке встретились у памятника Пушкину. Кастильо передал ему листовки, замаскированные под книгу.

Генерал Клементьев поинтересовался:

— Следователь не спрашивал туриста, почему тот сразу не назвал человека, вручившего листовки? Это было бы смягчающим обстоятельством.

— Спрашивал. Турист ответил: «Мне запретили называть этого человека».

— Кто запретил?

— Шеф. Взяли письменное обязательство — ни в коем случае не раскрывать контакт с Кастильо. Посулили большие деньги. В противном случае туристу и его семье придется плохо. Пять дней держался, потом все же признался...

Генерал усмехнулся.

— Этот турист хитрец... Пять дней... Ровно столько, сколько требовалось, пока Кастильо не улетит из Москвы... Все у них было рассчитано...

Генерал перечитал протокол допроса туриста и улыбнулся каким-то своим мыслям.

На следствии туриста спросили:

— Почему вы разбрасывали листовки, если даже не знали их содержания?

— Мне хорошо заплатили за работу, и я обязан был честно выполнить ее.

— Не кощунствуйте! О какой честности вы говорите? Знаете ли вы, что такое честь и совесть, коли продали их за деньги?

— Повторяю, я не читал листовок, я не знаю русского языка. Но мне сказали, что в них — призыв честных людей Запада встать на защиту прав человека, прав советских людей.

Генерал отложил протокол допроса.

— С туристом все ясно. А вот с Кастильо... Виктор Павлович, можно ли ожидать повторного визита испанца?

— По нашим данным, он скоро должен опять приехать, чтобы завершить переговоры с внешнеторговым объединением.

— Готовьтесь достойно встретить этого господина. Ему место в тюрьме. Представьте мне свои соображения.

ЗНАКОМАЯ ЛИЧНОСТЬ

Вечером в квартире Бутова раздался телефонный звонок. Виктор Павлович только что приехал домой и еще не успел снять плащ.

— Алло! Это вы, Виктор Павлович? — прохрипело в трубке.

— Да.

— Извините, что тревожу дома, здравствуйте.

— Рад слышать вас, Захар Романович. Как здоровье?

— О здоровье поговорим потом. Пришло письмо от нашего общего знакомого. Вы, конечно, догадываетесь, о ком говорю. Решил потревожить вас.

— Правильно сделали. Вы один дома?

— Да, один. Молодые к себе поехали.

— А что, если я через час-полтора приеду к вам? Не возражаете?

— Помилуйте, буду рад.

— Договорились.

...Бутов внимательно рассматривает письмо. Почтовые штемпеля только московские. Ничего не значащий текст. А в тайнописном тексте, когда проявили его, оказался перечень вопросов, на которые Захару Романовичу — Сократу — надлежит ответить. Перечень большой и все о деятельности научно-исследовательского института, в котором работает Рубин. Требовали назвать наиболее перспективные и важные с государственной и военной точек зрения разработки, кто их ведет и в какой они стадии. Дать характеристики этим людям, отметив их увлечения, наклонности, пороки. Сообщить, кому из них предстоят зарубежные командировки, когда, в какие страны и с какой целью. Добытые материалы надо по частям закладывать в тайник. Далее следовало точное описание его местонахождения, приметы, инструкция, как удобнее к нему подойти, как им пользоваться. Положив в тайник свое сообщение, Сократ должен позвонить по указанному в инструкции телефону, а услышав ответ, молча два раза подуть в трубку, после чего положить ее. Это условный знак — все в порядке, тайник можно очищать. Категорически напоминали о величайшей осторожности. Через этот же тайник Сократ в дальнейшем будет получать задания, инструкции и вознаграждение.

...Захар Романович умоляюще смотрит на Бутова.

— Что же мне делать?

— Будем вместе готовить информацию, точнее, дезинформацию,— с улыбкой ответил Бутов.— Само собой разумеется, никаких секретных данных. Только общеизвестные сведения. Материал подготовьте сами, но, прежде чем закладывать в тайник, покажите мне. Постарайтесь заранее ознакомиться с тайником, внимательно осмотрите подходы к нему. Мы тоже это сделаем. Первая закладка желательна дня через три. Времени хватит?

— Думаю, что для первой информации хватит,— неуверенно ответил Рубин.— Во всяком случае, постараюсь.

— Значит, договорились. Письмо заберу. Не возражаете?

— Да, да, конечно. Как вам будет угодно.

— Мне, вероятно, не надо предупреждать вас, что о письме, о намеченных нами действиях никому ни слова. Будьте здоровы. До скорой встречи. Звоните в любое время. И на службу и домой.

...Отправляясь на доклад к генералу, Бутов уже знал, кому принадлежит тот телефон, по которому должен звонить Сократ.

— Вот справка на этого человека.

— Оперативно сработали, Виктор Павлович.— И генерал углубился в чтение справки.

— Ах, вот это кто! — Он поднял глаза на Бутова.— Знакомая личность. Лоро, первый советник посольства. Давно он у нас на подозрении. На этот раз мы обязаны взять его с поличным у тайника. Подумайте, в какой момент и как это сделать, чтоб без осечки.

— Я уже продумал. Возьмем его после того, как Кастильо вторично прибудет в Москву и встретится с Ружинским.

— Когда его ждете?

— Недели через две. Кстати, Ружинский тоже получил письмо Кастильо. Спрашивает, когда приезжать.

— А как Ружинский?

— Теперь никаких сомнений — агент Кастильо. Не раз замечен в районе расположения воинских частей и важных оборонных объектов. Несколько раз фотографировал их. Каждое его действие документируется. Вместе с органами МВД мы разобрались в его валютных операциях. Есть все основания для ареста, МВД уже обезвредило ряд крупных валютчиков, в частности Манухина — партнера Ружинского и Шелвадзе. Я вам уже докладывал, Шелвадзе на следствии подробно рассказал об этих сделках. Ловко орудовали, ничего не скажешь,— поистине золотые руки... С милицией договорились — Ружинского арестуем мы... Когда сочтем нужным.

— А когда сочтете?

— Будем брать при его встрече с Кастильо в момент передачи информации. Тогда и испанца задержим.

— Что ж, добро! Только не прозевайте гостя. Он не лыком шит. Умен и ловок... Действуйте!

Продолжение следует.

Юмор

Самоуправство Куликова

В. МИТИН

ФЕЛЬЕТОН

Вообще кажется, что это место (ныне село Верхне-Имеретинская бухта Адлерского района) со времен создания мира было избрано для покоя. Вот здесь (отныне — улица Бакинская, дом № 4, где половину его занимает семья строительного рабочего Л. Д. Маркаряна) медсестре Марии Амаяковне положено купать детишек и варить ужин. Здесь необходимо ее мужу Людвигу Давидовичу после земляных работ помыться, а затем что-либо мастерить по хозяйству или возлежать на кушетке. Обоим супругам тут надлежит ухаживать за девяностолетними родителями, ветеранами войн и труда.

Но на нет и суда нет. Нет кухни, дабы готовить пищу. Нет, извините, туалета. Нет душа и подвала. А уж о том, чтобы на восемнадцать метров жилья для шести человек втиснуть еще какую-нибудь кушетку, и толковать нечего.

Исполнительный комитет Нижне-Шиловского сельсовета народных депутатов Адлерского района города Сочи вошел в крайне тяжелое положение семьи и разрешил строительство кухни, позволив возводить строение размером три на четыре метра. Конечно, не обошлось без препирательства. Рабочий Маркарян просил прибавить на душевую и подвал и с посильным выражением зачитал исполкомовцам статью 106 Гражданского кодекса РСФСР: «...Гражданину, имеющему большую семью либо право на дополнительную площадь, исполком районного, городского Совета может разрешить построить дом (часть дома) большего размера...» Кроме того, Маркарян заклинал учесть военные и трудовые заслуги престарелых родителей. Исполком обещал проверить жилищные условия, а пока-де пусть семья строится: там будет видно...

И строительство началось. Труда и средств было вложено, ясно, не столько, как при сотворении мира, но тоже вполне достаточно. Кроме того, семья с волнением ожидала прихода исполкомовцев для проверки жилищных условий. А те не приходили; зато, когда строение было готово почти «под ключ», председатель Нижне-Шиловского исполкома тов. Д. В. Куликов как-то посмотрел сквозь забор и укорил:

— Людвиг Давидович! Вы завысили строительство. Нехорошо, это — очевидное коварство с вашей стороны. Придется все проверить и составить протокол...

Потом тов. Д. В. Куликов навестил дом № 4 вкупе с участковым инспектором тов. А. Н. Гладковым. Они вымеривали жилплощадь складным сантиметром, вытягивались или становились на корточки, ахали и восклицали... В итоге этих телодвижений был учинен протокол, где подтверждалось, что для нормального проживания площадь не годится. В чем с готовностью расписалась и семья Маркарян.

Снова звуки отделочных работ, снова мир... Увы, ненадолго. Мирное, тихое место стало полем чуть ли не танковой битвы!.. Под воскресенье послышался тракторный лязг и распространился смрад солярки. По Бакинской улице поднималась колонна. Впереди шагал Куликов. За ним ехал трактор. В армаде также находились участковый Гладков, бригадир Ткаченко и кто-то еще. Послышались команды:

— Отчиняй ворота! Заводи напрямую...

Семья Маркарян была загипнотизирована надвигавшимся трактором. За рулем сидел тракторист Т. И. Тупиков.

— Рушь!— приказал ему председатель.— Круши до основания!

Раздались крики, набежало еще народу, так что в очевидцах недостатка не было. Не каждый день увидишь, как ломают новенький дом... «Мы, нижеподписавшиеся, были свидетелями при вероломной ломке только что построенной кухни. Мы подтверждаем, что насильно вытащили из кухни Марию Амаяковну и заперли ее в другом помещении. После этого так же насильно вытащили 90 (девяносто)-летних старика и старушку. Потом председатель сельсовета приказал трактористу ломать кухню...»

Теперь сокрушители клянутся, что никого не вытаскивали и никуда не запирали, а свидетели — это же соседи Маркарянов, а стало быть, необъективные люди...

Повторяем: увы, самых различных свидетелей, не только соседей, было больше чем нужно. И уж вот что совсем невозможно оспорить. Тракторист Тупиков вдруг глухо и страшно выкрикнул:

— Не буду ломать! Что хотите со мной делайте...

И тогда Куликов сам забрался в трактор и полтора часа лично сокрушал постройку. Давил, сшибал передком, превращал в руины. И этого Дмитрий Владимирович сам не отрицает.

— Вы не понимаете местных условий,— теперь объясняет он.— Мы предупреждали застройщиков, чтоб не завышали. Вы что же, оправдываете их действия?..

Оговоримся, что мы никак не являемся сторонниками анархии. Но что говорит статья 106 ГК РСФСР на случай самовольной за-

Рисунок С. Веткина.

Рисунки В. Воеводина.

стройки? Читаем: «По решению исполкома районного, городского Совета такой дом или часть дома сносится гражданином, осуществившим самовольное строительство, или за его счет, либо по решению суда могут быть безвозмездно изъяты и зачислены в фонд местного Совета...» Как видим, Д. В. Куликов проявил не только чрезмерное усердие, но и нарушил закон, а ведь по всем законам многочисленной семье Маркарянов полагалась возведенная ими, за их кровный счет, дополнительная площадь. И уж в любом случае Куликову не пристало самому заниматься разрушением...

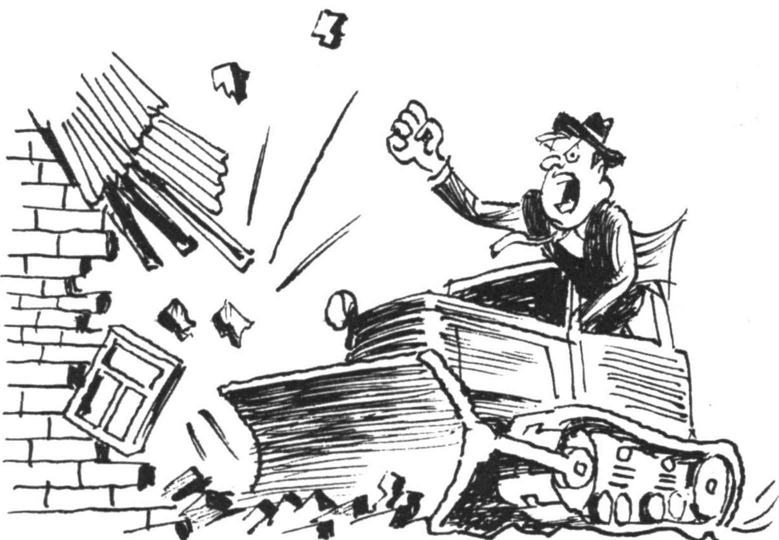
Теперь Д. В. Куликов сетует, что, мол, если «дать волю», то здесь такого понастроят! А затем будут пускать дачников...

Тут хочется порассуждать. Ну и что?! Дачники, что же, не люди? И куда им, собственно, деваться? Да, наоборот, кажется, что домовладельцам, которые, помогая государству дают приют отпускникам, надо споспешествовать. Кстати, вдумаемся: что может возвести такой строитель? Палаццо? Родовой замок? Жизнь, товарищи, улучшается, и, ей-ей, нет греха, что в это улучшение сознательный домовладелец вносит разумную лепту...

Справедливости ради отметим, что когда в Адлерском РК КПСС узнали о случившемся, то были потрясены. Ответственные сотрудники райкома согласны, что не должен был тов. Куликов самоуправно разрушать готовое строение. Что товарищ Куликов должен был поступить в строгом соответствии с законом... Работники райкома склонны порицать и Л. Д. Маркаряна: зачем, дескать, раньше не обратился за помощью и почему сразу не дал знать о происшествии... А вообще-то в районе говорят так: знаете, здешние условия сложны и порой недоступны пониманию людей приезжих. Взять, например, тех же дачников...

Если для начала взять не дачников, а карандаш да бумагу и сплюсовать на ней стоимость горюче-смазочных материалов, труда людей, цену уничтоженного материала, переписки, энергии и командировочных расходов, то получится, что на эти средства можно возвести если не кемпинг, то хотя бы палаточный городок для студентов. И особо при этом учесть, что за многие годы в местах этих не выстроено ни одной новой гостиницы! И это такая же правда, как то, что сии места самой природой уже созданы для отдыха...

Адлерский район. Сочи.

— Книги, Петрович, полюбил, а без макулатуры сейчас не обойтись.

Рисунок В. Федорова.

Челябинск.

Рисунок Ю. Беспалова.

Пущино, Московской области.

Монета, выпущенная в ознаменование XXII Олимпиады в Москве.

Первая советская почтовая марка. 1918 год.

Марка, посвященная сбору подписей под Стокгольмским воззванием. 1976 год.

Марка АРЕ, посвященная Л. Брайлю. 1961 год.

Канадская марка, напоминающая о необходимости почтового кода.

Язык немых на польской марке. 1967 год.

история символов

А. МАССАРЫГИН

ГИМН РУКЕ

Экономный язык символов, аллегорий, метафор отводит руке особое место. Этот образ широко используют пословицы и поговорки. Мы хотим, чтобы наша правая рука знала, что делает левая, чтобы не было людей с опущенными руками, чтобы никто не стоял подаль руки в боки, чтобы ничто противозаконное никому не сходило с рук и чтобы, положа руку на сердце, каждый мог сказать себе: общие успехи — это и моих рук дело.

Воистину все от руки. Голова способна строить планы, мечтать, желать, а делать — только рука. Золотые руки рабочего и крестьянина символизируют прежде всего великий труд, надежное земное благополучие и истинное богатство народа. Поэтому на марках, значках, посвященных труду, жизни тружеников, мы видим руку с серпом, молотом, с гаечным ключом и микрометром, руку за рулем и за штурвалом.

Ничто не может ярче выразить идею освобождения, как рука с мечом, разбивающая цепи,— такова символика первой советской почтовой марки 1918 года. Рука с ружьем и рука с цветами часто сопутствуют друг другу — это и символ радости вызволения родного края и мысль о том, что расцвет страны и ее оборона неразрывны.

Только честная рука может защитить ребенка, женщину, природу, мир — эту актуальнейшую идею современности воплощает рука на многочисленных марках, плакатах разных стран мира.

Рука способна выказать самые тонкие чувства и даже мысли. Глухонемые просто разговаривают руками, для них рука — знак великой радости общения (марка Польши).

Трудно переоценить подвиг французского ученого-педагога Луи Брайля, разработавшего для слепых систему чтения книг и нот руками. Ослепший в трехлетнем возрасте, Брайль благодаря своей системе не только сам постиг науки, но и открыл пути к познанию, к радости полезного труда всем, лишенным зрения. Об этом напоминает, например, марка Арабской Республики Египет.

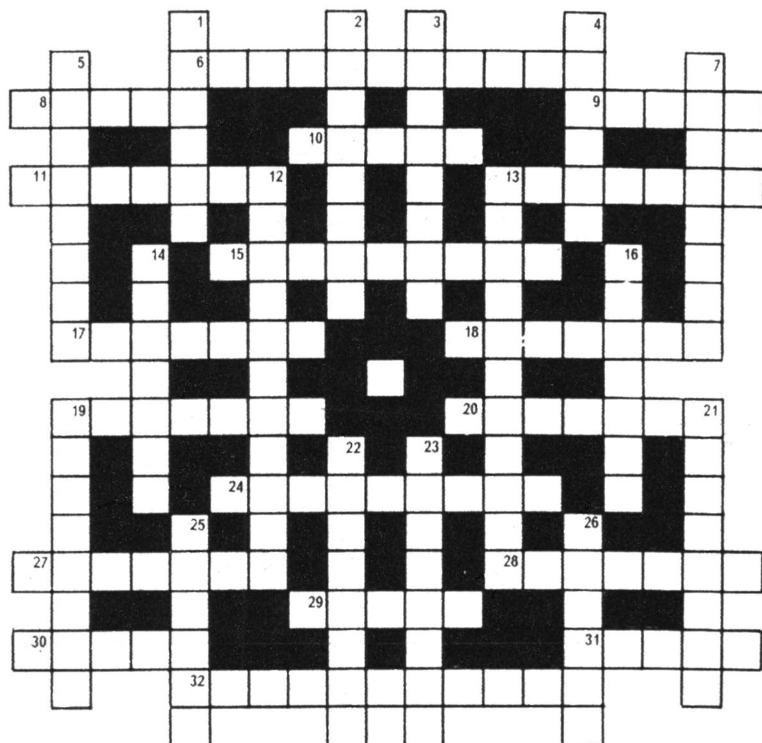
Говорят, рукопожатие — отзвук далеких времен, когда было необходимо убедиться в том, что руки встречающихся не держат оружия: смотри, моя рука в твоей руке, и мы готовы говорить на равных.

Очень часто встречается символ — рука с факелом. На нашем олимпийском рубле 1980 года рука держит факел с огнем Прометея — символ благородных целей спортивных игр.

Как напомнить населению о почтовом коде? Канадские художники дали почтовому ведомству прекрасное решение. Они нарисовали руку с многозначительно поднятым пальцем, подвязанным узелком на память, и надпись — «Почтовый код» (кстати, такое напоминание сейчас нелишне и у нас).

Рука довольно часто использовалась на гербах русских городов. Были рука благословляющая, рука, поражающая мечом, стрелой из лука.

Интересна современная «синтетическая» символика, объединяющая в одном рисунке, вернее, в одном росчерке, несколько символов. Например, на советской марке, посвященной сбору подписей под Стокгольмским воззванием, рука, держащая перо, имеет очертания голубя, а писчее перо — вид оливковой ветки. Смысл и глубок и ясен: дело мира в наших руках.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Краткая увертюра к опере или балету. 8. Капитан, артиллерист, один из героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 9. Приток Иртыша. 10. Экваториальное созвездие. 11. Одноосный прицеп для перевозки длинномерных грузов. 13. Составная часть сложного целого. 15. Город в Ростовской области. 17. Маршал Советского Союза. 18. Сорт винограда. 19. Ценная промысловая рыба. 20. Курорт в Таджикистане. 24. Дальневосточная декоративная лиана. 27. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 28. Музыкальный звукоряд. 29. Антилопа, обитающая в странах Азии. 30. Тригонометрическая функция. 31. Река в Западной Сибири. 32. Звуконепроницаемое помещение для тренировки космонавтов.

По вертикали: 1. Скульптор, народный художник СССР, автор памятника В. И. Ленину в Кремле. 2. Наименьшая частица вещества. 3. Число единиц измерения в объеме. 4. Русский поэт-юморист XIX века. 5. Повесть Т. Г. Шевченко. 7. Романс М. И. Глинки. 12. Один из героев романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 13. Цирковой артист. 14. Чертежный прибор. 16. Дикая утка. 19. Народная республика в Юго-Восточной Азии. 21. Архитектурный комплекс, воздвигнутый в честь павших героев. 22. Устройство, преобразующее звуковые колебания в электрические. 23. Народный поэт Таджикистана. 25. Массовые периодические издания. 26. Кит семейства полосатиков.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 7. Койдула. 9. Лебедев. 10. Ганна. 11. «Селькор». 12. Спидвей. 14. Басов. 16. Легато. 18. Озеров. 19. Покрасс. 20. Карлиев. 21. Маевка. 23. Афелий. 25. Кызыл. 29. Афоризм. 30. Фанфара. 31. Прима. 32. Горлица. 33. Рейснер.

По вертикали: 1. «Горение». 2. «Думка». 3. Загреб. 4. Власов. 5. Облик. 6. Ремесло. 8. Индустриализация. 13. Казанова. 15. Дегейтер. 17. Оптика. 18. Основа. 22. Апофеоз. 24. Иверсен. 25. Компас. 26. Луфарь. 27. Витим. 28. Гнейс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Статуя воина-освободителя в памятнике-ансамбле воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом. Трептов-парк, Берлин. Скульптор Е. Вучетич.
Фото Дм. Бальтерманца

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Большая семья».
Фото А. Авалова (Бану)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 13.04.84. Подписано к печати 02.05.84. А 00365. Формат 70×108[1/8]. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1171. Заказ № 2523.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Все впереди

Игорь ГАВРИЛОВ, фото автора

Легкомысленное весеннее солнце играет беззаботными зайчиками на стенах и потолке, заглядывает в глаза, заставляет жмуриться и мешает сосредоточиться. Но даже оно не может разрядить атмосферу одной из аудиторий Института кинематографии, превращенной на время в гримуборную.

Сейчас здесь рождаются образы пьесы М. Горького «На дне». Сцены из спектакля через несколько минут выпускники творческой мастерской Е. С. Матвеева покажут государственной экзаменационной комиссии.

Народный артист СССР Евгений Матвеев среди своих выпускников.

Конечно, все переживают. И с каждой минутой это становится заметнее. Волнение буквально висит в воздухе — кажется, что оно реально и его можно потрогать рукой.

Шелестят карты в нервных руках Сатина (А. Гриневич); что-то шепчет Настя (Н. Вовденко); губы Василисы (И. Сафронова) плотно сжаты, рождая властное выражение лица; Барон (А. Кулиев) застыл в «аристократической» позе; на гимнастическом мате, не обращая ни на кого внимания, лежит Актер (М. Романенко); у окна в кресле начинает «умирать» Анна (Е. Шилкина); Лука (А. Гусев) и Бубнов (А. Лиелаис) с напускной веселостью играют чуть ли не в хоккей, гоняя клюкой Луки моток шерсти.

И все мечтают оказаться в том мире, где им скоро предстоит жить. На сцене...

Появляется мастер... Евгений Семенович Матвеев переживает так же, как и его выпускники!.. А впрочем, это естественно,— ведь он тоже как бы сдает сегодня экзамен. Чему и как научил он своих студентов, теперь уже судить нам, зрителям.

Сигнал к началу словно током ударил всех и собрал в центре аудитории. Обнявшись за плечи, замерли актеры. Они и там, перед десятками придирчивых глаз, будут все вместе. Будут заодно.

Играли ребята хорошо. Все было как в настоящем театре: и динамика, и напряжение, и в то же время широта и легкость игры. А вот бурных оваций в конце спектакля не было. Скорее всего так и нужно на выпускных экзаменах — даже при отличном ответе не следует восторгаться учениками. Пусть покажут себя в работе, тогда уж не пожалеем рук на аплодисменты! Будут и поздравления и цветы... И по дороге домой после поздней съемки веселые звезды будут подмигивать и даже падать «для исполнения желаний». Будет все, что называется трудным актерским счастьем.

Но это еще впереди.

А пока волнение не разжимает своих цепких объятий: что-то скажут экзаменаторы...

Что же скажут экзаменаторы!..

Н. Вовденко в роли Насти.

«На дне».

Через минуту они выйдут на сцену.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

